

НЕУГОДНЫЙ

Путь против течения
Георгия Кочеткова

Священник, которого боялись больше,
чем еретиков.

От советского подполья до изгнания из храмов —
история человека, который вернул Церкви
живую веру и заплатил за это всем.

Эрик Ларисон

Неугодный
Путь против течения
Георгия Кочеткова

Эрик Ларисон

Оглавление

ПРОЛОГ

ГЛАВА 1. РЕЛИГИОЗНЫЙ ИМПУЛЬС

ГЛАВА 2. ИНКВИЗИЦИЯ В ДЕЙСТВИИ

ГЛАВА 3. ГЕОГРАФИЯ РЕПРЕССИЙ

ГЛАВА 4. ЖИЗНЬ ПОД ДАВЛЕНИЕМ

ИСТОЧНИКИ

ПРОЛОГ

В сумерках советской Москвы, за парадными фасадами сталинских высоток и однообразным серым бетоном типовых пятиэтажек, десятилетиями теплилась иная, невидимая глазу действительность. Это было время «двойной жизни», когда официальный атеизм диктовал правила игры на свету, а подлинные смыслы уходили в глубокое подполье. В ту эпоху поиск Бога и стремление к внутренней свободе не были просто частным выбором; они становились актом высшего мужества, тихим восстанием против сложившейся обстановки. В этой книге описан путь человека, который сознательно выбрал участь «неудобного» ради верности обретенной Истине.

В основе повествования лежат реальные события и подлинный жизненный путь Георгия Кочеткова. Его судьба — от серебряного медалиста и студента престижного «Плехановского» института до создателя уникальной системы оглашения и крупнейшего в современной России братства мирян — стала зеркалом, в котором отразились все боли, надежды и противоречия отечественной истории второй половины XX и начала XXI века. Это исследование, пропущенное через призму личного восприятия, и попытка не просто восстановить последовательность фактов, а и понять всю суть событий.

За каждым разделом стоит поиск коренных причин и анализ смыслов. Авторские выводы и синтез представленных данных — это приглашение к диалогу о том, почему живая вера так часто оказывается неудобной для определенных целевых групп мира сего, и какую цену приходится платить за право называть вещи своими именами. При подготовке книги был изучен и систематизирован колоссальный объем материала: архивные свидетельства, личные воспоминания участников событий, богословские труды и документы церковного управления.

Перед вами — путь против течения. Тропа человека, который не побоялся быть «неудобным» и верит, что Церковь — это не музейный экспонат и не бюрократическая структура, а живое пламя, способное согреть и преобразить каждого, кто готов к осознанному усилию веры. Его путь — это не история «победы» или «поражения», «за» или «против», а свидетельство о том, что

внутри православия всегда живет неугасимый запрос на духовное единство, которое невозможно полностью подавить административными указами.

ГЛАВА 1. РЕЛИГИОЗНЫЙ ИМПУЛЬС

Пытаясь восстановить хронику жизни человека, ставшего одной из самых обсуждаемых и противоречивых фигур в современной истории Русской православной церкви, исследователь неизбежно сталкивается с многослойностью московского ландшафта середины XX века. За фасадом сталинских высоток и типовых пятиэтажек скрывалась иная реальность — подпольная, почти катакомбная память семей, хранивших осколки дореволюционной России.

5 октября 1950 года в этой Москве, зажатой между официальным атеизмом и робкими надеждами послевоенного десятилетия, родился Юрий (впоследствии — священник Георгий) Серафимович Кочетков. Генеалогическое древо будущего священника уходило корнями в ту почву, которую советская власть старательно пыталась выкорчевать: по линии отца, инженера-химика Серафима Дмитриевича, по семейным воспоминаниям прослеживалась связь с дворянским родом Бибиковых. Мать, Евгения Кузьминична, была экономистом, работавшим в системе Госплана.

В семейных преданиях, передававшихся шепотом, жили отголоски репрессированных родственников — немых свидетелей великого перелома, чьи судьбы могли сформировать критическое отношение Юрия к тоталитарным формам общественного устройства.

Религиозный импульс вошел в его жизнь не через догматическое наставление, а как тайна, почти детективная и глубоко интимная. В 1960 году, когда Юрий был десятилетним мальчиком, мать везла его через всю Москву в храм Тихвинской иконы Божией Матери, что в селе Алексеевском. Ребенок не знал, куда и зачем они едут, — в те годы подобные вещи не обсуждались вслух

даже с детьми. Позже он будет вспоминать это крещение как момент, который «согрел и обожгло сердце».

Это не было осознанным выбором интеллектуала, но стало фундаментальным ощущением обретенного дома. Первое причастие в тот день оставило глубокое личное духовное впечатление, которое он впоследствии описывал в воспоминаниях. Именно тогда зародилось то качество, которое позже станет определяющим для всей его деятельности: восприятие веры не как обряда, а как живого, греющего присутствия.

Однако путь к осознанному христианству в эпоху «оттепели» пролегал не только через полутемные храмы, но и через залы музеев. Феномен «шестидесятничества» в Церкви имел свою специфику: для поколения Юрия Кочеткова красота стала преддверием истины. Увлечение искусством итальянского Возрождения началось с коллекционирования открыток и репродукций. Мадонны Рафаэля и святые Боттичелли говорили с подростком на языке, который отсутствовал в школьных учебниках.

В тринадцать лет он уже погружался в книги по искусству, видя в них не просто эстетику, а уважение к человеческой личности, сотворенной по образу Божьему. В седьмом классе этот интерес вылился в удивительную для советского времени практику: Юрий начал водить своих одноклассников на экскурсии по соборам Московского Кремля. Он рассказывал сверстникам об архитектуре, но за описаниями порталов и апсид скрывался поиск ответов на экзистенциальные вопросы. Храмы Кремля были для него не просто памятниками архитектуры, а живыми узлами памяти, связывавшими его с той Россией, которую он предчувствовал в себе.

Эпоха хрущевских гонений на Церковь создавала парадоксальный контекст. Пока официальная пропаганда обещала показать «последнего попа», в интеллектуальной среде назревал запрос на смыслы. Для Юрия Кочеткова решающим моментом стал 10-й класс. В 1967 году ему удалось достать и прочитать всю Библию. Это было подобно интеллектуальному взрыву.

Слово Писания, наложившись на эстетическую подготовку и детское впечатление от крещения, выстроило стройную картину мира. Особенно его пронзили слова из Евангелия от Матфея (9:37-38): «Жатвы много, а делателей

мало». Эта фраза стала для него не просто цитатой, а личным призванием, определившим всю дальнейшую траекторию жизни. Он почувствовал, что Церковь — это не музейный экспонат, а поле битвы за человеческие души, где катастрофически не хватает тех, кто готов трудиться.

«Одно из самых первых моих впечатлений от чтения Евангелия, еще в 10-м классе, где-то в 1967 г. (мне открылось это место сразу, как только я в первый раз взял в руки Библию): "Жатвы много, а делателей мало". Меня это пронзило как стрелой в сердце. Эта строчка стала для меня как бы главенствующей, я очень ярко почувствовал, что это именно то в духовной жизни, что больше всего болит. Это мне запомнилось наряду, может быть, с подобным же впечатлением от Нагорной проповеди, которая также для меня оказалась откровением, но не того, чего не было в моей жизни, а того, что не было сформулировано, открыто для сознательной мотивировки моей деятельности.» Рассказ о. Георгия Кочеткова о своей биографии.

В 1968 году, окончив школу с серебряной медалью, Юрий оказался перед выбором. Его тянуло в духовную семинарию, но реальность советской жизни диктовала свои условия. Мать, занимавшая ответственный пост в системе государственного планирования, категорически воспротивилась такому шагу — в те годы подобное решение могло повлечь серьезные социальные ограничения для семьи.

В итоге Юрий поступил на общеэкономический факультет Института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова. Выбор экономического вуза казался прагматичным, но именно там он научился анализировать структуры и механизмы, что позже помогло ему в организации братских общин.

Студенческие годы (1968–1972) стали временем напряженной двойной жизни. Днем — цифры, графики советской экономики, лекции по научному атеизму и политэкономии социализма. Вечером — поиски в архивах, чтение самиздата и посещение подпольных кружков. Это было время «хождения в глубину». Именно в Плехановке он окончательно сформировался как христианин, сознательно идущий против течения. В то время за активную религиозную позицию действительно могли возникать серьезные проблемы — студентов могли подвергать идеологическому давлению, ограничивать

карьерные перспективы и привлекать внимание органов государственной безопасности, но жажда подлинности была сильнее страха.

Юрий посещал лекции выдающихся гуманитариев того времени — Сергея Аверинцева, Юрия Левады, Вячеслава Глазычева. Эти люди создавали пространство интеллектуальной свободы, в котором христианство выглядело не как архаика, а как единственная живая альтернатива советскому мифу.

В этот период Юрий начинает заводить знакомства, которые станут фундаментом его будущего служения. Он вхож в дом семьи Пестовых, духовных чад святого праведного Алексия Мечёва. В их квартире на Покровке он прикасается к живой традиции «маросейской» общины — опыта городской святости и общинной жизни, которая сохранилась вопреки десятилетиям террора. Рассказы о подпольных литургиях 30-х годов, книги из их тайной библиотеки — всё это формировало в молодом студенте убеждение, что Церковь жива именно в малых группах, в личном общении, в братстве.

К началу 1970-х Юрий Кочетков уже не просто ищущий студент, а человек, начавший миссионерскую деятельность. Он приступает к катехизации — подготовке своих друзей и знакомых к крещению. Это была деятельность в условиях повышенного контроля со стороны государства: собираться группами для религиозного обучения вне официальных церковных структур фактически не поощрялось и могло вызывать интерес правоохранительных органов.

Но именно в этих московских кухнях, в спорах до рассвета и совместном чтении Писания рождался прообраз Преображенского братства. Юрий понимал, что просто привести человека в храм недостаточно — его нужно ввести в Церковь как в семью, дать ему понимание смысла каждого слова молитвы.

Так, из сплава дворянской памяти, эстетики Ренессанса, академической дисциплины Плехановского института и жажды евангельской правды рождался путь человека, решившего, что жатва действительно велика и он не имеет права оставаться в стороне. Его экономическое образование, вопреки ожиданиям, не стало помехой; напротив, оно привило ему редкий для церковной среды того времени структурный подход и организационную дисциплину. Пока сверстники строили карьеры в Госплане, Кочетков изучал механизмы того, как человек

обретает и, что более важно, сохраняет веру в условиях враждебной идеологической среды.

Переломный период наступил в 1973-74 годах, когда Кочетков сам проходил оглашение. Этот опыт, тогда еще спонтанный и несистематизированный, заставил его задуматься о катастрофическом разрыве между актом крещения и последующей жизнью человека в церкви. В то время крещение часто воспринималось как магический обряд или акт эстетического протеста, после которого неофит оказывался предоставлен самому себе. Кочетков же интуитивно почувствовал, что вера — это не одномоментное озарение, а самый сложный процесс внутренней работы, требующий длительной подготовки.

В поиске ответов он обращается к фигурам, стоящим у истоков церковного обновления. Огромное влияние на него оказывает протопресвитер Виталий Боровой, блестящий интеллектual и знаток древнецерковной традиции. Боровой стал для молодого Кочеткова проводником в мир первохристианской экклезиологии, показав, что церковь — это не только иерархическая структура, но прежде всего живое собрание верных.

Другим духовным ориентиром стал архимандрит Иоанн (Крестьянкин), чья пастырская интуиция и опыт духовного наставничества уравнивали академические поиски Кочеткова, придавая им аскетическую глубину. Встречи в Печорах и беседы в московских храмах заложили основу будущей системы оглашения — попытки соединить святоотеческую традицию с современной миссионерской практикой.

К середине 1970-х вокруг Кочеткова начинает кристаллизоваться уникальная методика. Её зарождение происходило в тесных московских квартирах, где за плотно задернутыми шторами собирались люди, готовые рисковать карьерой ради права называться христианами. Подход Кочеткова был выстроен как строгая лестница.

Первым этапом стало «предоглашение» — период знакомства с основами веры и переосмысления жизненных установок. Здесь важно было не столько научить догматам, сколько пробудить саму способность верить. Кочетков

настаивал: нельзя приступать к тайнам веры, не изменив отношения к ближнему, к труду, к правде.

Второй этап, самый интенсивный, был посвящен уже непосредственному вхождению в догматическое поле церкви, подготовке к крещению или — для тех, кто был крещен формально в детстве — к «исповеди за всю жизнь». Катехизация Кочеткова требовала от человека колоссальных усилий; это был интеллектуальный и духовный марафон, длившийся больше года, что резко контрастировало с принятой тогда практикой совершать крещение после короткой беседы или вовсе без нее.

Этот подход неизбежно вызывал сравнение с деятельностью другого священнослужителя того времени — Глеба Каледы. Однако, если Каледа, будучи крупным ученым-геологом и тайным священником, делал упор на академическую добротность, лекционную форму и просвещение через интеллект, то Кочетков создавал общину. Для него катехизация была не просто передачей знаний, а актом рождения новой социальной единицы. У Каледы человек становился образованным верующим, у Кочеткова — членом «малого братства». Различие было фундаментальным: академизм Каледы вписывался в традицию дореволюционной интеллигенции, в то время как системность Кочеткова носила почти пассионарный, реформаторский характер, ориентированный на создание альтернативной социальной реальности внутри советского общества.

Быт этих «квартирных» общин был пропитан атмосферой высокого напряжения. КГБ внимательно следил за «религиозниками», и Кочетков, как один из самых эффективных организаторов, быстро попал в поле зрения органов. Участники встреч использовали систему паролей, меняли места сборов, оставляли верхнюю одежду в соседних подъездах, чтобы не привлекать внимания к одной квартире.

Но внутри этого подполья царила невероятная интеллектуальная свобода. Именно в этот период, несмотря на все внешние трудности, Кочетков осознает, что главным препятствием для полноценного участия людей в молитве является языковой барьер. Начинается работа над переводами богослужения на русский язык. Это не было прихотью модерниста; для Кочеткова понятность молитвы была вопросом духовного выживания общины. Если катехизация призвана

сделать веру сознательной, то и богослужение не может оставаться набором священных, но герметичных звуков.

Первые попытки перевода текстов литургии Иоанна Златоуста возникали как продолжение катехизических бесед — как стремление приблизить богослужебную традицию к современному человеку.

В 1980 году Кочетков поступил в Ленинградскую духовную академию, а его методика становилась уже не просто педагогическим «экспериментом», она превращалась в практику катехизации, ориентированную на формирование устойчивой общинной церковной жизни. Кочеткову удалось создать модель, которая демонстрировала устойчивость к внешнему давлению: общины, спаянные опытом длительного оглашения, отличались высокой степенью сплоченности. Однако именно эта активность вызывала обеспокоенность как со стороны государственных органов, так и части церковного духовенства, привыкшего к более традиционным формам приходской жизни.

Отчисление Кочеткова из Ленинградской духовной академии в 1983 году по согласованию с представителями Совета по делам религий при Совете Министров СССР стало официальным подтверждением существовавших разногласий вокруг его миссионерской деятельности. Юноша из Плехановского института превратился в создателя системы катехизации, где вера рассматривалась не только как участие в обрядах, но как миссия, требующая личной ответственности и осознанного духовного пути. Это десятилетие заложило многие противоречия будущего: здесь проявились как предпосылки духовного подъема, так и причины конфликтов, которые впоследствии затронут церковную среду.

Год 1989-й стал для Георгия (Юрия) Кочеткова не просто хронологической вехой, а точкой тектонического сдвига, когда десятилетие полуподпольного существования и «кухонных» семинаров сменилось легальным выходом в церковное пространство. Человек, годами находившийся под негласным надзором и получавший отказы в рукоположении, внезапно оказывается в эпицентре церковного возрождения. Для Кочеткова это было окончанием мучительного ожидания, длившегося с конца семидесятых, когда его исключили из Ленинградской духовной академии.

Первым местом легального служения отца Георгия стал Троицкий храм в подмосковных Электроуглях. В период с 1989 по 1990 год здесь формировались практические формы общинной жизни, которые позже стали характерной чертой его миссионерской работы. В Электроуглях Кочетков начал постепенно использовать русский язык в богослужении в отдельных богослужебных элементах и катехизической практике, считая, что непонимание церковнославянского языка затрудняет воцерковление новообращенных.

Параллельно с лингвистическими экспериментами развернулась беспрецедентная для того времени открытая катехизация. В храм потянулись люди, далекие от традиционной церковности, привлеченные возможностью задавать вопросы и получать на них прямые, богословски обоснованные ответы. Однако именно здесь возникли и первые очаги сопротивления. Консервативная часть клира и старые прихожане увидели в действиях молодого священника угрозу «исконному» благочестию. Конфликт в Электроуглях стал прообразом будущего великого раскола: обвинения в самовольной русификации текстов и «модернизме» впервые зазвучали в приходских коридорах, создавая вокруг имени Кочеткова ореол спорной, но крайне влиятельной фигуры.

19 августа 1990 года, на праздник Преображения Господня, в Электроуглях состоялось событие, которое сторонники Кочеткова называют своим «днем рождения» — сформировался Первый Преображенский собор. Изучая документы того времени, понимаешь, что это не было формальным собранием.

Это была попытка институционализировать то «невидимое» объединение, которое складывалось вокруг отца Георгия еще в годы застоя. Собор зафиксировал рождение Преображенского братства как общинного движения, целью которого стало не просто восстановление стен, но созидание «живых камней» — ответственных мирян, вовлеченных в литургическую и просветительскую жизнь. Для официальной церковной структуры такое движение было в новинку: братство позиционировало себя как духовный союз, не скованный жесткими рамками приходской бюрократии, что одновременно давало ему огромную мобильность и вызывало подозрение у иерархии, привыкшей к вертикальному управлению.

Выдержка из журнала «Православная Община»:

«Собор для всех к нему готовившихся стал событием долгожданным и, как кажется, доставил всем участникам огромную духовную радость. Большинство собравшихся верующих люди, прошедшие оглашение и имеющие больший или меньший опыт православной общинной жизни. Как известно, духовная семья община вырабатывает у каждого своего члена способность раскрывать сердце братьям и сестрам в общей молитве, проповеди, совместных церковных делах и служениях. При этом ощущение единомыслия и единодушия, знакомое многим по привычным общинным молитвенным встречам, поражало на соборе совершенно неизвестной ранее масштабностью и слаженной устремленностью. Несмотря на то, что многие не смогли приехать и принять участие в совместном торжестве, праздник показал реальную возможность призванных Богом людей прославлять своего Спасителя едиными устами и единым сердцем». С.А., «Впечатления о соборе на Преображение в г. Электроугли Московской области». Дневники, письма, воспоминания.

Осенью 1990 года география деятельности Кочеткова резко меняется — его назначают настоятелем Владимирского собора бывшего Сретенского монастыря в Москве. Это назначение выглядело как триумфальное возвращение в столицу. В то время Сретенский монастырь представлял собой печальное зрелище: поруганные святыни, заброшенные здания, отсутствие какой-либо жизни. Именно здесь потенциал Преображенского братства проявился в полной мере. Сотни людей, объединенных вокруг отца Георгия, в кратчайшие сроки совершили невозможное — они не просто отмыли и восстановили храм, они превратили его в самый динамичный приход Москвы начала девяностых. Вскоре Русской православной церкви по ходатайству братства были переданы четыре московских храма: Рождественский собор Рождественского монастыря, Владимирский собор Сретенского монастыря, храм преподобного Феодора Студита и храм Успения Богородицы в Печатниках. Важно понимать контекст: братство в эти годы выступало как мощный волонтерский и финансовый ресурс. Люди работали на восстановлении храмов бесплатно, движимые общим делом и личным авторитетом лидера.

В 1991 году Георгий Кочетков стал настоятелем храма Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках, где затем окончательно оформился стиль «его»

прихода: практика общей исповеди (в тех формах, которые обсуждались в приходской среде), акцент на чтении Писания, общинные трапезы (агапы) и, конечно, богослужение с элементами русского языка.

Параллельно с храмостроительством шло строительство институциональное. В 1988–1990 годах Кочетков стоял у истоков создания Московской высшей православно-христианской школы, которая в 1992 году получила официальную регистрацию как Свято-Филаретовский институт (СФИ). Это было уникальное явление — учебное заведение, созданное «снизу», на пожертвования и организационные усилия добровольцев. СФИ стал интеллектуальным центром движения, где формировалась богословская среда, ориентированная на наследие русской религиозной мысли начала XX века и опыт новомучеников. Институт действовал с церковным благословением, включая благожелательное отношение со стороны Патриарха Алексия II в ранний период, что тогда воспринималось как признание правомочности пути Кочеткова.

Братство расширялось, его ячейки возникали в других городах, создавая сетевую структуру, которая жила по своим правилам, имела свои дисциплинарные нормы и свою систему образования. В глазах многих это было идеальным воплощением свободы, обещанной переменами конца восьмидесятых. Однако к 1993 году атмосфера в Церкви начала стремительно меняться.

Период романтического «всеприятия» закончился, и наступила стадия стабилизации, которая для многих означала усиление контроля и стремление к единообразию практик. Активность Кочеткова и его общин, их заметная обособленность и настойчивость в реформе богослужебного языка стали вызывать раздражение у той части священноначалия, которая видела в этом угрозу единству Церкви. Декабрь 1993 года открыл новую страницу противостояния. На ежегодном епархиальном собрании духовенства Москвы Патриарх Алексий II выступил с докладом, в котором прозвучал термин, ставший клеймом для движения Кочеткова на десятилетия вперед — «неообновленчество».

Патриарх подверг резкой критике самовольное редактирование литургических текстов и использование русского языка, прямо указав на приход

в Печатниках как на источник сомнительных инноваций. Это была не просто административная претензия, а идеологический приговор. Термин «неообновленчество» проводил прямую историческую параллель с расколом двадцатых годов, когда обновленцы сотрудничали с ГПУ против патриарха Тихона. Несмотря на то, что Кочетков апеллировал к миссионерским задачам и наследию Поместного собора 1917–1918 годов, ярлык «разрушителей традиций» прочно приклеился к Братству. С этого момента началось открытое противостояние, которое превратило отца Георгия из успешного реформатора-просветителя в фигуру церковной оппозиции, чья деятельность стала рассматриваться через призму канонической лояльности. Период «выхода в мир» завершился жестким столкновением с этим самым миром, принявшим обличье церковной дисциплины и консервативного отката.

Чтобы понять, был ли это проект реставрации подлинного христианства или же попытка модернистского демонтажа традиции, необходимо восстановить логику его идей, просеивая их через сито его собственных программных текстов и яростной критики оппонентов. В то время, когда Церковь только выходила из «идеологической изоляции», Кочетков предложил концепцию, которая для одних стала глотком живой воды, а для других — угрозой самому фундаменту православия.

Первым и наиболее заметным полем этой интеллектуальной битвы стал вопрос о языке молитвы. Для Кочеткова лингвистическая дистанция между верующим и Богом была не просто техническим неудобством, а важным препятствием. Реконструируя его аргументацию, мы видим, что он опирался не на сиюминутную моду, а на глубокое прочтение Нового Завета, в частности на 1-е послание к Коринфянам. Кочетков пояснял, что русский язык в богослужении — это не уступка слабости современного человека, а возвращение к принципу понятности, который был заложен в саму природу христианской проповеди. Его работа над многотомным трудом «Православное богослужение» была попыткой создать «церковный русский» — язык, который сохранял бы сакральную вертикаль, но при этом был бы прозрачен для смысла.

Однако традиционалистское крыло увидело в этом предательство кирилло-мефодиевской традиции. Аргумент оппонентов строился на том, что

церковнославянский — это язык-икона, и попытка заменить его обыденной речью есть не что иное, как обмирщение святыни.

Здесь пролегал водораздел: Кочетков видел в языке инструмент просвещения, его критики — охранную грамоту мистического опыта. Вторым аспектом, вызвавшим резкую реакцию в церковной среде, стал призыв к более регулярному причащению мирян и к восстановлению евхаристической нормы общины. В позднесоветской практике причастие «пару раз в год» считалось нормой благочестия, а подготовка к нему превращалась в сложный ритуал самоограничения.

Кочетков же, апеллируя к практике ранней Церкви, настаивал на еженедельном причащении всех членов общины. Для него литургия без причастия мирян была нонсенсом, «обедом, на котором гости лишь смотрят, как ест хозяин». Эта позиция ломала сложившуюся иерархическую дистанцию между клиром и мирянами. Традиционалисты восприняли это как «профанацию таинства». В их глазах частое причастие без сурового поста и многочасовых исповедей выглядело как духовная небрежность, как превращение «страшных Христовых тайн» в привычный элемент быта. В данном ключе произошло столкновение между двумя образами Церкви: Церкви как сакрального института с жестким допуском и Церкви как живого тела, где каждый член призван к полноте жизни здесь и сейчас.

Логическим продолжением евхаристического возрождения стали агапы — «вечери любви». Пытаясь восстановить суть общинной жизни, Кочетков ввел практику совместных трапез после литургии, где читалось Писание, обсуждались насущные вопросы и совершалась совместная молитва. В его понимании агапа была не просто обедом, а продолжением литургического общения, реализацией горизонтальных связей между верующими. Однако именно здесь критика достигла своего нового уровня. Оппоненты, иронично называвшие эти собрания «пирожками вместо таинства», видели в агапах зародыш сектантства. Обвинения доходили до того, что на агапах якобы совершаются «лже-евхаристии», где миряне сами освящают хлеб и вино. Для исследователя очевидно, что Кочетков стремился преодолеть разобщенность прихожан, но методы, которыми он это делал, в глазах консервативного

большинства выглядели как создание «параллельного богослужения», подменяющего собой канонический строй.

Центральным элементом методологии Кочеткова стала сетевая структура братств. Малые группы по 10-15 человек, так называемые «семьи», должны были стать той самой «живой тканью» Церкви, которой так не хватало в огромных, безличных приходах. В этих группах люди знали друг друга по именам, вместе учились и несли служение. Но именно эта эффективность и вызвала самые серьезные подозрения у церковных охранителей. Там, где Кочетков видел органическое единство, его оппоненты видели сектантство и угрозу соборности.

Вопрос о «просвещенных» и «массах» выводил на тему системы оглашения (катехизации). Кочетков ввел очень длительную и многоступенчатую подготовку: путь к крещению или воцерковлению мог длиться годы. В эпоху «религиозного бума» 1990-х, когда храмы ломились от желающих креститься «за один заход», такая позиция выглядела вызовом. Кочетков считал, что Церковь не должна быть проходным двором, и сознательная вера требует интеллектуального и духовного усилия. Именно здесь в дискуссию вступил Андрей Кураев, чья критика часто концентрировалась на обвинениях в «элитаризме». По мнению Кураева и других критиков, многоступенчатая система подготовки создавала искусственную касту «VIP-христиан», которые смотрели на остальных как на людей второго сорта. Катехизация Кочеткова воспринималась не как помощь, а как идеологическая обработка, формирующая специфический «кочетковский» тип благочестия, отличный от традиционно православного.

Завершая реконструкцию идейного каркаса Георгия Кочеткова, мы выходим на его фундаментальную формулу: попытку соединить глубокую веру с рациональным, критическим осмыслением традиции. Он верил, что сила Церкви не в административном ресурсе или золотых куполах, а в осознанности каждого христианина. Однако именно эта тяга к просвещению стала одной из причин отторжения: идеи Кочеткова выглядели слишком революционно для части церковной среды. Для исследователя очевидно, что Кочетков пытался ответить на реальные вызовы — отчужденность мирян, непонятность языка, дефицит общинной жизни. Его идеи были попыткой возрождения древних

форм, но в постсоветской реальности они неизбежно приобретали черты модернистского проекта.

В начале девяностых Русская православная церковь напоминала огромную строительную площадку. На этом фоне община священника Георгия Кочеткова выглядела одним из наиболее целостных и разработанных проектов церковного обновления. Однако именно эта законченность, помноженная на миссионерский успех, вызвала не просто критику, а системное сопротивление.

ГЛАВА 2. ИНКВИЗИЦИЯ В ДЕЙСТВИИ

Начало 1994 года в Москве пахло не только талым снегом и выхлопами подержанных иномарок, но и чем-то гораздо более древним, подвальным, пороховым. Романтический период «второго крещения Руси», когда в храмы шли за свободой и правдой, сменялся эпохой обострённой внутрицерковной полемики и борьбы за контроль над приходскими площадками. Сретенский бульвар стал географическим эпицентром этого разлома. Именно здесь, у Владимирского собора (храма) Сретенского монастыря, разыгралась драма, ставшая прологом к формированию того типа государственно-церковного союза, который часть наблюдателей и участников видит десятилетия спустя. Но тогда, в феврале девяносто четвертого, это выглядело как жёсткий конфликт вокруг храма, где богословские споры в ряде эпизодов сопровождались уличным давлением и угрозами силового вмешательства.

Информационная почва для силового сценария готовилась задолго до первых столкновений. Газетные киоски Москвы были завалены изданиями, чей тираж и агрессивность напоминали о худших образцах черносотенной прессы начала века. Газета «Русский вестник» раз за разом публиковала материалы под общим заголовком «Заговор», где община священника Георгия Кочеткова представлялась как некая «сионистская резидентура», занимающаяся разрушением православия изнутри через перевод богослужения на русский язык и «обновленчество».

Еще радикальнее выступала «Черная сотня» Александра Штильмарка. На ее страницах Кочетков и его прихожане описывались в терминах, исключающих любую дискуссию — это были «враги нации», «агенты влияния» и «еретики», подлежащие немедленному изгнанию.

Эта пресса создавала эффект осажденной крепости, внушая рядовому верующему, что Сретенский собор захвачен чужаками, и его «освобождение» — долг каждого истинного патриота. События перешли в терминальную стадию 14 февраля 1994 года. В этот день в соборе появился молодой, энергичный и на тот момент еще малоизвестный широкой публике иеромонах Тихон (Шевкунов). Его визит не был пастырским. Это был визит ликвидатора. Сопровождаемый плотным кольцом людей, в которых трудно было узнать смиренных послушников, Шевкунов предъявил Георгию Кочеткову ультиматум. Разговор шел на повышенных тонах, лишенных всякого церковного благообразия. Тихон ссылался на «приказ Святейшего», хотя письменного указа о передаче храма в тот момент представлено не было. Его риторика была предельно жесткой, лишенной пространства для маневра. Свидетели вспоминали его фразу, брошенную с ледяной уверенностью: *«Если вы не уйдете, мы проведем свою службу во дворе монастыря. И на следующий день проведем во дворе. А на третий - придут казаки...»*. Это не было предложением к диалогу о будущем монастыря, это была декларация капитуляции, которую Кочетков должен был «подписать» немедленно.

На следующее утро, 15 февраля, в праздник Сретения Господня, Москва увидела то, что позже назовут чуть ли не «православным рейдерством». Осада храма началась на рассвете. К собору начали стягиваться организованные группы людей, чья внешность резко контрастировала с привычным обликом московского прихожанина. Это были отряды так называемого «казачества» под предводительством Вячеслава Демина. Вместе с ними прибыли боевики из радикальных националистических организаций. Воздух вокруг Сретенки был наэлектризован ожиданием насилия. Пока община Кочеткова пыталась начать праздничную литургию, кольцо вокруг собора сжималось.

Воспоминания Аллы Василевской, находившейся в тот день в эпицентре событий, рисуют сюрреалистическую и пугающую картину. Она описывала, как к монастырским воротам подкатывали новенькие белые «мерседесы» — символ

сомнительного успеха тех лет. Из машин выходили «качки» в кожаных куртках, чьи короткие стрижки и тяжелые взгляды выдавали в них бойцов оперативных групп или криминальных структур. На их одежде соседствовали православные кресты и эмблемы с черепами и костями — символика смерти, ставшая вдруг атрибутом «защитников веры». Василевская подчеркивала жуткую деталь: многие из «добровольцев», пришедших «освободить» святыню, были откровенно пьяны. Эти люди не знали молитв, они выкрикивали ругательства и националистические лозунги, перемежая их бессвязными цитатами о «чистоте православия».

Кульминация наступила в алтаре собора — месте, которое по канонам является недоступным для мирян и зоной абсолютного мира. Здесь произошел решающий спор двух священников, представлявших две принципиально разные модели православия. Георгий Кочетков, бледный, но сохраняющий достоинство, пытался апеллировать к церковному праву и человеческой совести. Рядом возле него стоял Тихон Шевкунов, за спиной которого уже чувствовалось дыхание новой эпохи, где сила аргумента заменяется аргументом силы. В тот конкретный исторический момент сторона в виде кованых сапог и административного ресурса праздновала победу. Сцена изгнания была обставлена с показательной жестокостью.

Сретенский монастырь, до этого момента бывший местом живой общинной жизни, интеллектуальных дискуссий и катехизации, в одночасье превратился в закрытый объект. Наблюдатели того времени не могли не заметить зловещей исторической параллели: собор Сретения находится в непосредственной близости от Лубянки. Здания, где десятилетиями располагалось НКВД и КГБ, буквально нависали над монастырским двором. И то, как легко «православные активисты» нашли общий язык с силовыми структурами при захвате храма, наводило на мысли о глубокой преемственности методов.

Вглядываясь в события февраля 1994 года сегодня, становится очевидным, что конфликт вокруг Сретенского собора был не просто локальным столкновением двух приходских миров. Именно здесь, на Сретенке, по интерпретации участников и критиков тех процессов, ковался тип «государственнического» православия. Сретенский монастырь под руководством Тихона Шевкунова впоследствии действительно превратился в

заметный идеологический и просветительский центр, что фиксируют многие наблюдатели.

Георгий Кочетков и его община, вытесненные из монастырских помещений, стали символом «лишних людей» в этой новой церковной системе в восприятии самих участников общины. Их обвиняли в обновленчестве, но, по их версии, главной «виной» была неподконтрольность и ставка на личную ответственность верующего. Захват собора показал, что в новой России «соборность» в конфликтных ситуациях иногда подменялась единообразием под давлением.

Для одних это событие было «торжеством справедливости» и возвращением монастыря законным владельцам, для других — началом периода долгой зимы, когда свобода внутри церкви ощутимо сузилась. Белые «мерседесы» у входа в храм, «качки» и пьяные выкрики стали для прихожан визуальным образом вторжения мира сего в пространство духа. Это было не просто имущественное перераспределение, это была смена духа.

Оказалось, что старые демоны черносотенства никуда не исчезли, они лишь ждали своего часа в подворотнях истории, чтобы по первому зову новых амбициозных вождей явиться на Сретенский бульвар и заявить свои права на истину. Это был момент, когда церковь в России перестала быть гонимой, но, кажется, сама начала примерять роль гонителя, используя для этого те же методы, которыми ее саму пытались уничтожить в подвалах соседней Лубянки за семьдесят лет до того. Этот день зафиксировал поражение христианского гуманизма перед лицом политического прагматизма. Сретенский монастырь вырос, оброс связями, деньгами и влиянием, став витриной новой церковности. Но в его фундаменте навсегда остались замурованы воспоминания о том февральском утре, когда молитва была прервана тяжелой поступью людей, решивших, что Бога можно защитить с помощью насилия.

Трагедия Сретенки заключалась еще и в том, что она легитимизировала насилие внутри церковной ограды, ведь раньше конфликты решались через соборы или епископский суд, а пример Шевкунова показал: можно просто привести крепких ребят и занять помещение. Эта логика «права силы» впоследствии пропитала многие сферы церковного управления. Пресса, восторженно описывавшая что вроде «освобождение святыни», окончательно

превратилась в инструмент травли несогласных. Статьи в «Русском вестнике» стали образцом для будущих доносов и кампаний по дискредитации неугодных священников.

Нельзя не отметить, что Сретенский собор сегодня выглядит безупречно. Реставрация, хор, книжная лавка — всё работает на образ идеального православия. Но для тех, кто стоял на снегу 15 февраля 1994 года, этот блеск всегда будет отдавать холодом того ультиматума и горечью предательства со стороны тех, кто должен был быть братьями во Христе. Фигура Георгия Кочеткова в этом контексте обретает масштаб трагического героя, который пытался строить церковь как общину, но столкнулся с церковью как корпорацией.

В помещениях Сретенского монастыря располагались уникальные для того времени образовательные структуры: Огласительное училище, Московская высшая православно-христианская школа (МВПХШ, немного позже школа стала носить имя святителя Филарета Московского) и зарождающаяся православная гимназия. Вынужденный затем переезд в храм Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках стал для общины испытанием на смирение и организационную гибкость.

Расстояние между Сретенским монастырем и Успенским храмом невелико, однако в духовном и бытовом плане это был переход в совершенно иную реальность. Огромная община, привыкшая к просторам Владимирского собора, оказалась стеснена в стенах небольшого храма в Печатниках. Внутри Успенской церкви в 1994 году какое-то время всё еще располагались экспозиции Музея морского флота, преемника знаменитого музея «Советская Арктика». Сложно вообразить ту степень духовной концентрации, которая требовалась от священнослужителей и прихожан, чтобы превратить это музейное пространство в место живого общения с Богом.

Сложности сосуществования были не только эстетическими, но и чисто техническими: теснота, отсутствие надлежащей вентиляции и необходимость постоянно учитывать присутствие посторонних предметов делали каждое богослужение подвигом терпения. Весь период с февраля по ноябрь 1994 года можно охарактеризовать как жизнь «на чемоданах». Изгнание из монастырских помещений лишило общину базы для её многочисленных начинаний. Детский

сад, иконописная мастерская, богатейшая библиотека и благотворительные службы остались без крыши над головой. Структура общины, однако, не только не распалась, но и парадоксальным образом укрепилась.

Группы прихожан собирались на квартирах, занятия Огласительного училища продолжались в любых приспособленных помещениях, а социальное служение переместилось в частный сектор. Община выживала за счет взаимоподдержки и глубокого осознания своей миссии. Несмотря на то, что административно многие институты оказались парализованы отсутствием площадей, их деятельность не прекращалась ни на день. Люди продолжали учиться, писать иконы и заботиться о нуждающихся, доказывая, что Церковь — это прежде всего люди, а не стены. Духовный аспект этого периода отмечен удивительным сочетанием внешних гонений и внутренней созидательной энергии.

Несмотря на тяжелейшую атмосферу конфликта и фактическое изгнание, 1994 год стал временем важных литургических событий. Храм в Печатниках был заново освящен, что закрепило его статус как нового центра притяжения для Преображенского братства. Отец Георгий Кочетков продолжал катехизацию, считая оглашение делом первостепенной важности, которое невозможно остановить никакими внешними запретами. Именно в этот период гонений многие люди, видя стойкость и верность общины своим принципам, принимали решение войти в её состав.

Понемногу ситуация начала стабилизироваться в своей новой, хотя и стесненной форме. Община окончательно осознала себя как «церковь в рассеянии», способную сохранять свою целостность даже в условиях отсутствия адекватной инфраструктуры. Период изгнания из Сретенского монастыря стал для многих прихожан временем личного духовного возрастания, когда вера требовала не только участия в таинствах, но и готовности защищать свое право на христианское просвещение и свободную общинную жизнь. Эти месяцы заложили фундамент для дальнейшего существования Преображенского братства как одного из самых значимых и дискуссионных явлений, показав пример того, как духовная общность может противостоять силовому давлению и организационному хаосу.

Период относительного затишья длился недолго и уже в ноябре 1994 года начались новые испытания. В это время в Москве проходила конференция «Единство Церкви», организованная Православным Свято-Тихоновским богословским институтом (ПСТБИ). Внешне мероприятие выглядело как научный форум, призванный обсудить проблемы церковной жизни в постсоветской России, однако история запомнила его как «духовный трибунал». Это был момент, когда маятник церковной истории, качнувшийся в сторону свободы в начале 90-х, резко замер и начал свое обратное движение.

Для священника Георгия Кочеткова и его единомышленников конференция стала роковой, превратившись из площадки для дискуссии в тщательно срежиссированную расправу. С первых минут пребывания в зале заседаний становилось ясно, что заявленная тема единства трактуется организаторами весьма специфически — как единообразие и безоговорочное подчинение определенной консервативной линии. Атмосфера напоминала не братское содружество, а идеологический штурм.

Масштаб подготовки поражал: большая часть докладов, прозвучавших на конференции, была посвящена персонально «проблеме Кочеткова» и Александра Борисова. Разворачивалась спланированная кампания, целью которой была полная дискредитация миссионерского и литургического опыта, накопленного в общинах на Сретенке.

Список «обвинителей» представлял собой цвет тогдашнего консервативного духовенства и интеллектуалов, сплотившихся вокруг фигуры ректора ПСТБИ Владимира Воробьева. Александр Дворкин, Валентин Асмус, Артемий Владимиров, Дмитрий Смирнов и Аркадий Шатов — каждый из них внес свою лепту в создание вражеского образа. Дворкин фокусировался на поиске «сектантских признаков» в жизни общин, Асмус и другие пытались подвести под обвинение богословскую базу, обвиняя Кочеткова в посягательстве на святыни православия.

Протоиерей Дмитрий Смирнов, известный своим резким стилем, не стеснялся в выражениях, задавая тон агрессивного неприятия любого отступления от привычного стандарта. Одним из самых красноречивых свидетельств постановочного характера мероприятия стали наблюдения Александра Копировского, сподвижника отца Георгия. Он заметил, что итоговая

резолуция конференции, содержащая жесткое осуждение «неообновленчества», была напечатана и размножена еще до того, как начались основные прения. Это разоблачало истинные намерения организаторов: обсуждение было лишь декорацией, призванной легитимизировать заранее принятое решение. Сама структура конференции исключала возможность оправдания. Докладчикам от «либерального крыла», включая самого отца Георгия и священника Александра Борисова, отводилось минимальное время, которое тут же перекрывалось многочасовыми обличениями со стороны оппонентов.

Центральной фигурой этого «судилища» выступал протоиерей Владимир Воробьев. Его риторика в те дни заслуживает отдельного анализа, так как она обнажила глубокий кризис пастырской этики. Пытаясь обосновать жесткость своих действий, Воробьев прибег к метафорам, которые шокировали многих присутствующих своей жестокостью и сомнительной экклезиологией. Он заявлял, что Церковь является для верующего одновременно и отцом, и матерью, причем в этой роли она имеет право на насилие ради «исправления» заблудших детей. Его фраза, ставшая позже печально известной — *«Вас надо высечь, чтобы вы заплакали и сказали: «Папа, я больше не буду!»*», — де-факто провозглашала право на духовный террор. Это было не просто частное мнение, а манифест новой церковной политики, где послушание важнее истины, а страх — эффективнее любви. Воробьев и его сторонники конструировали модель Церкви как закрытой крепости, где любая попытка переосмыслить традицию (например, перевод богослужения на русский язык или акцент на общинной жизни) приравнивалась к предательству.

Психологическое давление на Кочеткова было беспрецедентным. Его обвиняли в создании «параллельной иерархии», в психологическом манипулировании прихожанами и ереси. При этом реальные плоды его деятельности — сотни воцерковленных интеллигентов, глубокое изучение Писания, возрождение агап — либо игнорировались, либо интерпретировались как признаки «обольщения».

Последствия конференции «Единство Церкви» для Русской православной церкви оказались катастрофическими в долгосрочной перспективе. Именно тогда ярлык «неообновленчество» закрепился в полемическом обороте как

универсальное клеймо для любого церковного реформаторства. Термин был выбран крайне удачно с пропагандистской точки зрения: он апеллировал к исторической травме 1920-х годов, проводя ложную параллель между миссионерскими инициативами Кочеткова и поддерживаемым чекистами расколом прошлого. Радикальное крыло духовенства получило от этой конференции своеобразный карт-бланш. Увидев, что священноначалие в лице патриарха Алексия II (который публично не дал развёрнутой оценки этой кампании) предпочитает хранить молчание и не вмешиваться в публичную порку заслуженных священников, «охранители» поняли, что отныне им позволено всё. Это молчание иерархии было воспринято радикалами как молчаливое одобрение. Конференция создала прецедент, когда группа священников и мирян смогла навязать всей полноте Церкви свою узкопартийную повестку, используя механизмы публичного шельмования.

Для Георгия Кочеткова это означало начало периода долгой изоляции. Его пытались вытолкнуть на обочину церковной жизни, лишить прихода и возможности проповедовать. Однако именно в этот момент стало ясно, что за ним стоит не просто группа последователей, а живая община, способная выживать в условиях агрессивной среды. Глубокий анализ событий ноября 1994 года показывает, что «Единство Церкви» было не богословским спором, а политической акцией.

«Она, конечно, планировалась не как индикатор, а именно как поворотное событие, которое должно было прикрыть наше движение. Для этого требовалось создать видимость общецерковного осуждения. О. Владимир так и говорил: «Посмотрите, здесь четыре епископа, десятки священников, сотни мирян — это что, не церковное мнение?». Я говорю: «Нет, с какой стати? Церковное мнение должно быть серьезным, принятым после длительного обсуждения». А они за день до открытия конференции прибежали к нам в храм и сказали: «Дайте быстро сборник Афанасьевских чтений¹, 40 экземпляров» — буквально вечером, накануне — ну, что это такое? Лихорадочно выискивать нужные цитаты — это несерьезно, это не изучение, это именно попытка шельмования и духовного убийства. В этом смысле конференция им не удалась. Но и мы, к сожалению, не смогли повернуть события в обратную сторону, остановить этот вал». Фрагмент

из воспоминаний священника Александра Михайловича Копировского, опубликованных в газете «Кифа», 14 января 2013 г.

Традиционалисты, напуганные динамичным ростом «кочетковских» общин и их влиянием на интеллектуальные слои общества, перешли к тактике выжженной земли. Они не могли победить в честной дискуссии о катехизации или языке молитвы, поэтому предпочли перевести разговор в плоскость дисциплинарных обвинений и личных нападок. В ретроспективе эта конференция видится как генеральная репетиция будущих церковных конфликтов. Здесь были отработаны приемы, которые позже станут стандартными: использование государственных ресурсов для давления на оппонентов, создание медийного шума, подмена богословия идеологией и ставка на силовое подавление инакомыслия. Провозгласив целью «единство», организаторы на деле заложили глубочайший раскол, который прошел через сердца верующих.

Охота на «кочетковцев» не была стихийной — она имела своих идеологов, стратегов и глашатаев. Главным теоретиком и зачинателем демонизации Преображенского братства стал Александр Дворкин. Вернувшись из США, он привез с собой не только западные методики изучения новых религиозных движений, но и специфическую терминологию, которая в российских реалиях приобрела характер карательного инструмента. Именно Дворкин наделил борьбу с Кочетковым концептуальной базой, внедрив в церковный и общественный дискурс понятие «тоталитарная секта». Применительно к братству этот термин выглядел парадоксально: внутри канонической церкви существовала группа, которую обвиняли в методах деструктивного культа.

Дворкин не ограничивался статьями — он развернул масштабную лекционную экспансию по епархиям. Его туры создавали в глазах провинциального духовенства образ врага, который страшнее атеизма, потому что он маскируется под православие. В его интерпретации общинная дисциплина Кочеткова превращалась в «гуруизм», а катехизация — в «промывку мозгов». Дворкин создал идеологический фундамент, на котором любые административные репрессии против братства выглядели уже не как расправа с нестандартной точкой зрения, а как санитарная очистка церковного организма.

Особый, почти трагический оттенок этой критике придавало участие протоиерея Димитрия Смирнова. В отличие от многих других, Смирнов не был сторонним наблюдателем — его связывали с Кочетковым долгие годы если не дружбы, то доброго приятельства и совместного служения в тесном кругу московского духовенства восьмидесятых. Тем резче и болезненнее выглядел его переход в стан непримиримых врагов. Смирнов, обладавший харизмой и талантом яркого, порой на грани фола, оратора, стал публичным лицом кампании. Если Дворкин писал сухие отчеты, то Смирнов выплескивал ярость на трибуны и в эфиры. Смирнов бил по самому больному — по обвинению в ереси и предательстве святоотеческих преданий. Его медийные атаки превращали сложную богословскую дискуссию в площадную брань, где «кочетковщина» рифмовалась с обновленчеством и чуть ли не с сатанизмом. Трансформация Смирнова из соратника в гонителя была лучшим доказательством того, что компромисс невозможен: либо братство встроится в общую канву, либо будет стерто из церковной реальности.

Эффективность этих атак была бы невозможна без мощного информационного сопровождения, которое обеспечила созданная в те годы медиа-машина. Центром кристаллизации антикочетковских настроений стало радио «Радонеж» под руководством Евгения Никифорова. Это была первая в России православная радиостанция, имевшая огромную аудиторию среди рядовых прихожан. Ежедневное вещание «Радонежа» превратилось в методичную бомбардировку сознания слушателей. В эфире постоянно звучали голоса «экспертов», обличавших Кочеткова в разрушении устоев. Никифоров создал формат, в котором слухи, вырванные из контекста цитаты и откровенные манипуляции подавались как ревностная защита веры.

Вторым каналом для трансляции нарративов стал журнал «Благодатный огонь», специализировавшийся на более «интеллектуальном» травлении. Здесь кочетковские переводы богослужебных текстов на русский язык препарировались как злонамеренное искажение догматов. Именно в этих медиа окончательно закрепились ярлыки «неообновленчество» и «ересь», которые должны были навеки изолировать Кочеткова от церковного мейнстрима.

Кампания велась по всем законам психологической войны: создание чувства опасности, расчеловечивание противника и апелляция к авторитету

«старцев» и традиции. К середине девяностых стратегия оппозиции окончательно оформилась и перешла от богословских споров к тактике «публичный скандал — административное решение». Это был отлаженный механизм: сначала в прессе или на радио поднималась волна возмущения каким-либо действием братства — будь то молитва на русском языке или особенности внутренней жизни общины. Затем следовала серия коллективных писем от «разгневанных верующих» или обращения группы священников к священноначалию. Создавалась иллюзия глубокого раскола и невыносимого соблазна для паствы. Патриарх Алексей II, который изначально относился к Кочеткову с определенным интересом, оказывался под колоссальным давлением. Ему внушали, что деятельность Кочеткова ведет к новому расколу, подобному обновленчеству двадцатых годов.

В этом союзе Дворкина, Шевкунова, Смирнова и Никифорова не было случайных элементов. Это была синергия разных талантов: кабинетный аналитик, властный администратор, народный трибун и медиаменеджер объединились, чтобы купировать альтернативный путь развития церкви. Они боролись не просто с конкретным священником Георгием Кочетковым — они боролись с самой идеей православия как живого, ответственного и осознанного сообщества мирян, которое не вписывалось в строгую иерархическую структуру, удобную для взаимодействия с государством. Травля началась не из-за ошибок Кочеткова, которых было немало, а из-за его успеха. Его община была слишком заметной, слишком автономной и слишком убедительной в своей инаковости, чтобы остаться безнаказанной. В этом противостоянии решался вопрос о том, какой будет Русская церковь в новом тысячелетии, и противники Кочеткова сделали всё, чтобы ответ на этот вопрос был максимально жестким и однозначным. Кампания против братства стала первой в новейшей истории России масштабной «культурой отмены» внутри церковной ограды.

Летом 1997 года в храме Успения в Печатниках тяжесть воздуха ощущалась не только из-за погоды, атмосфера вокруг общины священника Георгия Кочеткова к тому моменту окончательно приобрела черты осажденной крепости. Это не было паранойей: кампания по дискредитации «неообновленчества» в церковной и околоцерковной прессе достигла невиданного ранее масштаба, а идеологическое противостояние между

сторонниками реформ и приверженцами жесткого традиционализма вышло за пределы богословских дискуссий. Именно в этот момент на шахматной доске возникла фигура, которой суждено было стать детонатором самого громкого скандала в новейшей истории Русской православной церкви.

В середине июня указом патриарха вторым священником в Успенский храм был назначен 28-летний выпускник Курской духовной семинарии Михаил Дубовицкий. Его появление в сложившейся, тесно сплоченной общине выглядело не просто странным, а демонстративно чужеродным. Дубовицкий с первых дней вел себя как человек, присланный не для сослужения, а для инспекции или, скорее, для открытой конфронтации. Молодой иерей, не скрывавший своих симпатий к фундаменталистским кругам, с порога заявил, что намерен «исправлять недостатки» литургической жизни прихода. Он демонстративно игнорировал сложившиеся в Печатниках традиции, демонстративно отказывался от диалога и, по свидетельствам очевидцев, поддерживал тесные контакты с «соседним лагерем» — Сретенским монастырем и его наместником Тихоном (Шевкуновым), который к тому времени стал «негласным штабом» антикощетковского движения.

В поведении Дубовицкого сквозила странная, почти экстатическая нервозность; он казался человеком, играющим роль в спектакле, финал которого уже предопределен. Прихожане вспоминали его блуждающий взгляд и внезапные вспышки раздражения, которые плохо вязались с образом кроткого пастыря, пришедшего врачевать «раскол». Позже станет ясно, что это была не просто психологическая неустойчивость, а часть сложной партитуры провокации.

Причинно-следственные связи стали ясны в воскресенье, 29 июня 1997 года. Реконструкция событий того дня позволяет восстановить поэтапно инцидент, который в официальной пропаганде назовут «избиением священника». Во время божественной литургии в алтаре Дубовицкий начал вести себя неадекватно: он пытался сорвать службу, вступал в перепалки с настоятелем и в какой-то момент, когда ситуация накалилась до предела, внезапно симитировал нападение. Позже выяснится, что накануне вечером Дубовицкий проводил своего рода «репетицию» в пустом храме, а следы повреждений на его теле, предъявленные следствию, носили характер

самоповреждений. Очевидцы в алтаре описывали картину, напоминающую дурной триллер: священник начал кричать, бросаться на стены, рвать на себе облачение, имитируя насилие со стороны прихожан-алтарников и самого отца Георгия. Это был мастерски срежиссированный хаос, в котором истина должна была утонуть в шуме и ярости.

Документальный пласт дела, однако, рисует совершенно иную картину, нежели та, что транслировалась по официальным каналам. Вызванный в храм наряд милиции столкнулся не с «жертвой избиения», а с человеком в состоянии глубокого психического аффекта. На место был вызван врач-психиатр Григорий Шафран, который констатировал у Михаила Дубовицкого острое психическое расстройство. Затем это же подтвердил лейтенант 18-го отдела милиции (ОВД) ГУВД (ныне ГУ МВД) М.Ю. Шунаев, который зафиксировал обстоятельства вызова и также указывал на неадекватность поведения Дубовицкого. Священник был принудительно госпитализирован в психиатрическую больницу имени Ганнушкина. Казалось бы, медицинский диагноз и показания независимого сотрудника правоохранительных органов должны были поставить точку в этом инциденте, признав его трагическим следствием болезни молодого человека. Но машина церковного и политического сыска уже была запущена, и реальные факты ей только мешали.

Медиа-удар последовал незамедлительно и был сокрушительным. Буквально через несколько часов после инцидента радио «Радонеж» начало транслировать апокалиптические сводки о «кочетковских фашистах», которые «пролили кровь священника у престола». Тот факт, что Дубовицкий находился в психиатрической клинике, был подан как результат «насильственного заточения», организованного «сектантскими связями» Кочеткова. Вскоре в распоряжении оппонентов общины оказался видеоархив братства (в Печатниках велась внутренняя съемка богослужений). Из этих записей был смонтирован фильм «Разоблачение», ставший эталоном манипулятивной пропаганды. Кадры, где прихожане пытаются удержать бьющегося в истерике Дубовицкого, чтобы он не нанес вред себе и окружающим, были смонтированы так, будто толпа методично истязает священника.

Фильм тиражировался тысячами кассет, его показывали в семинариях, продавали в каждой церковной лавке от Калининграда до Владивостока.

Визуальный образ «жертвы» оказался сильнее любых медицинских справок и свидетельских показаний под присягой. Масштаб последствий этой провокации выходил далеко за рамки внутрицерковного конфликта. События в Печатниках стали сигналом для консолидации самых реакционных сил в российском обществе. Борьба с «кочетковщиной» превратилась в удобный предлог для мобилизации православного фундаментализма, который открыто заявил о своих претензиях на политическое влияние. Религия здесь была лишь декорацией, за которой скрывалось желание жесткой социальной реставрации.

«В наш храм был назначен помощником настоятеля свящ. Георгия Кочеткова иерей Михаил Дубовицкий. Мы с любовью приняли молодого батюшку, но он с первых же дней, называя нас «наствой своей любимой», отказался нас причащать, разговаривать с нами после службы. При этом после призывов о помощи, прозвучавших по радио «Радонеж» к нам в храм стали приходить какие-то люди, называвшие себя православными христианами, но которые вели себя в храме неблагоговейно, нас называли еретиками, а после служб устраивали с о. Михаилом сходы в храме, на которых открыто обсуждали, как надо нас, постоянных прихожан, выгонять из нашего храма. О. Георгий постоянно в проповедях, на исповедях, в беседах призывал нас к терпению, смирению, кротости, несмотря на бесчиние, происходящее в храме».

«В начале мая я присутствовала на Божественной литургии. То, что я увидела на службе, меня потрясло. Меня потрясло неприкрытое ничем желание священника о. Михаила (назначенного в наш храм 2-ым священником незадолго до этого) вывести настоятеля нашего храма о. Георгия Кочеткова из себя, спровоцировать его и тех, кто с ним служил. Он повторял за отцом Георгием освящение Св. Даров в алтаре. Нам было слышно, как о. Георгий говорил ему, что он нарушает каноны, а о. Михаил никак не реагировал, а продолжал, как будто не слышит. Он явно хотел сорвать службу. О. Михаил кричал из алтаря: «Не трогайте меня!» А нам было все видно, что никто к нему даже и пальцем не прикоснулся. Ведь он священник. Но может быть, он не понимал, что творит, хотя трудно в это поверить». Свидетельства прихожан. О жизни прихода Успения в Печатниках от Великой

среды 1997 г. — дня назначения на приход вторым священником о. Михаила Дубовицкого — до 29 июня того же года.

Октябрь 1997 года ознаменовался событиями, когда тектонические сдвиги внутри церковной ограды окончательно вырвались наружу в виде сокрушительного административного удара. Послужил такому утверждению указ Патриарха Алексия II от 9 октября под номером 4520. Этот документ не просто подвел черту под конфликтом в храме Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках, он обозначил границы допустимого в церковном пространстве на десятилетия вперед.

Священник Георгий Кочетков, один из самых ярких миссионеров эпохи, был не просто снят с должности настоятеля, но подвергнут бессрочному запрету в служении до покаяния. Однако беспрецедентным по своей жесткости стал пункт о «наказании» для двенадцати активных прихожан общины: для шести из них в указе было прописано *«отлучить от общения церковного»*, для другой половины — *«воспретить участие в церковно-богослужебной жизни (чтении, пении, прислуживании в алтаре, членстве в Приходском собрании и пр.)»*.

В церковной практике конца XX века такое массовое прещение мирян за их преданность пастырю выглядело анахронизмом, напоминающим о временах суровых дисциплинарных расправ. Атмосфера, в которой принималось это решение, была пропитана духом чрезвычайщины. Церковная комиссия, расследовавшая инцидент 29 июня 1997 года, работала в режиме обвинительного уклона. В официальный дискурс было вброшено страшное для церковного сознания слово — «насилие». Общину Кочеткова обвинили в «глумлении над священником» в алтаре, фактически приравняв действия алтарников к святотатству. Игнорировались заключения светских проверок, в том числе прокуратуры и Минздрава, подтвердивших обоснованность действий врачей скорой помощи. Для церковного суда факты имели второстепенное значение. Члены комиссии сознательно конструировали образ авторитарной структуры, где воля лидера подавляет не только канонический порядок, но и человеческую личность. Это был процесс не столько над конкретным поступком, сколько над альтернативной моделью церковной жизни. Реакция интеллектуальной элиты на эти события была болезненной и острой.

Особое место в этом противостоянии занял Никита Струве — выдающийся деятель русской эмиграции, издатель и хранитель традиций подлинного православия. Его диалог с Патриархом Алексием II, сохранившийся в свидетельствах, стал квинтэссенцией столкновения двух миров: живой мысли и бюрократической системы. Струве, приехавший защищать Кочеткова, задал Патриарху прямой вопрос о том, что именно неправильного совершил отец Георгий, какие каноны нарушил и в чем его ересь. Ответ Алексия II был поразительно коротким и психологически точным: «*Он горделив*». В этой фразе заключалась вся логика системы — грех гордыни в глазах священноначалия перевешивал любые миссионерские успехи. Струве, не сдерживая эмоционального накала, парировал резко, заметив, что если судить за гордость, то под запрет должен попасть едва ли не каждый второй высокопоставленный посетитель патриарших покоев. Кульминация их встречи была драматичной. Струве, человек европейской культуры и глубокого благородства, был готов встать перед Патриархом на колени, лишь бы остановить маховик гонений. Он видел в деле Кочеткова не просто административный спор, а духовную катастрофу — отторжение Церковью собственной интеллектуальной и миссионерской энергии. Патриарх, по воспоминаниям очевидцев, был смущен этим порывом, умолял профессора не делать этого, но решение осталось неизменным. После этой встречи Струве почувствовал, что в официальной Москве побеждает иная идеология, чуждая духу «Вестника РХД» и наследию русской религиозной философии.

В этот период окончательно закрепилась мощная связка оппонентов: Александр Дворкин, Тихон Шевкунов и Димитрий Смирнов. Эта триада любыми способами держала мощный информационный купол, под которым любое начинание Кочеткова заранее клеймилось как еретическое. Запрет длился почти три года.

Весна 2000 года вошла в эту историю как время великих надежд, обернувшихся великим разочарованием. 12 марта, в неделю Торжества православия, с общины священника Георгия Кочеткова были сняты многолетние прещения, и казалось, что затянувшийся конфликт исчерпан. Однако этот мир продержался всего два месяца. Уже в мае, когда церковный воздух еще был пропитан пасхальной радостью, последовал новый удар,

ознаменовавший переход борьбы из административной плоскости в идеологическую. Создание «Комиссии по богословским изысканиям священника Георгия Кочеткова» стало парадоксальным ответом на формальное примирение. Вместо интеграции общины в нормальную жизнь начался процесс, который по своей риторике и методам больше напоминал инквизиционный трибунал, чем академическую дискуссию. Хронологический разрыв между прощением и новым обвинением был настолько мал, что не оставлял сомнений: решение о «богословском штурме» готовилось в те самые дни, когда в соборах возглашали многолетие. Центральной фигурой этого наступления стал протоиерей Сергей Правдолюбов, магистр богословия и профессор Московской духовной академии. Но гораздо важнее была его вторая ипостась — заведующего кафедрой в Православном Свято-Тихоновском богословском институте (ПСТБИ).

Состав комиссии, сформированной по распоряжению Патриарха, представлял собой монолитную группу: почти все ее члены были тесно связаны с ПСТБИ. В этом крылся главный изъян процесса. Структура, которая на протяжении лет выступала наиболее последовательным и жестким оппонентом «кочетковских» реформ, фактически получила статус следственного органа и экспертного совета одновременно. Судьями стали те, кто уже давно вынес приговор. Это не было беспристрастным исследованием текстов; это была попытка подвести каноническую базу под заранее сформулированное неприятие иного типа церковности. Комиссия Правдолюбова работала в режиме «чрезвычайной ситуации», и результатом этой работы стал не просто отчет, а настоящий манифест церковного противостояния.

Летом того же года в свет вышел сборник статей молодых преподавателей ПСТБИ с вызывающим названием «Суд им давно готов». Название, заимствованное из Второго послания апостола Петра, не оставляло пространства для маневра: авторы апеллировали к образу лжеучителей, обреченных на гибель. Эта книга стала инструментом беспрецедентного идеологического давления. Анализируя катехизисы отца Георгия «Идите, научите все народы» и «В начале было Слово», эксперты московской группы словно соревновались в том, кто найдет в них больше древних проклятых имен.

Список обвинений выглядел фантазмагорично: Кочеткову инкриминировали одновременно гностицизм и несторианство, фригийскую ересь и монофизитство. Тот факт, что некоторые из этих ересей догматически исключают друг друга, авторов не смущал. Вершиной этого эклектичного обвинения стала попытка приписать священнику «православный атеизм» — оксюморон, призванный лишить оппонента не только права на пастырство, но и статуса христианина в принципе. Любая неточная формулировка в текстах, изначально предназначенных для устной катехизации, раздувалась до масштабов вселенского заблуждения.

В этот момент произошло столкновение двух ведомственных логик внутри церковной иерархии. С одной стороны, действовала «московская группа» — энергичная, радикально настроенная и опирающаяся на консервативный актив. С другой стороны, стояла Синодальная Богословская комиссия под руководством митрополита Минского и Слуцкого Филарета (Вахромеева). Митрополит Филарет, будучи человеком старой школы, привыкшим к дипломатии и взвешенности, оказался в сложном положении. Ему передали материалы, которые по накалу страстей больше походили на доносы, чем на богословские рецензии. Роль митрополита в этом конфликте стала сдерживающей. Он видел, что за рвением московских экспертов стоит не столько забота о чистоте веры, сколько желание уничтожить конкретное братство и его лидера. В своих оценках митрополит Филарет был деликатен, но тверд. Он прямо указывал на предвзятость авторов сборника «Суд им давно готов», отмечая, что московским экспертам катастрофически не хватает «широты взгляда». В кулуарах и официальных интервью владыка давал понять: нельзя превращать богословие в дубину. Его раздражала узость интерпретаций, при которой любой поиск живого языка для проповеди объявлялся посягательством на основы.

Синодальная комиссия была вынуждена продираться сквозь нагромождение ярлыков, чтобы найти рациональное зерно в претензиях ПСТБИ. Конфликт инстанций обнажил глубокий раскол в понимании того, как Церковь должна реагировать на внутреннее разномыслие: через тотальное истребление «чужого» или через пастырское исправление неточностей. Итоговое заключение Синодальной комиссии, вынесенное в 2001 году, стало

классическим примером церковного компромисса. Ожидания «московской группы» не оправдались: комиссия митрополита Филарета отказалась признать взгляды Георгия Кочеткова «еретической системой». Слово «ересь» — этот смертный приговор в церковной ограде — так и не появилось в финальном тексте. Вместо этого была использована обтекаемая и гораздо более мягкая формулировка о наличии в работах священника «неправославных, двусмысленных и недопустимых по форме выражений». Также говорилось о «неясных положениях» в триадологии и пневматологии, связанных с неудачной актуализацией доникейских представлений. Это было дисциплинарное замечание, а не анафема. Однако для ревнителей из ПСТБИ этот итог стал лишь поводом для продолжения борьбы. Для них «Суд им давно готов» оставался действующим приговором, в то время как для официального священноначалия он стал досадным свидетельством того, как легко академическое богословие может превратиться в инструмент расправы.

ГЛАВА 3. ГЕОГРАФИЯ РЕПРЕССИЙ

Февраль 2007 года. Центром событий стал Тверской епархиальный совет, заседавший под председательством епископа Виктора (Олейника). 8 февраля состоялось заседание, которое фактически ставило вне закона около ста прихожан — членов Боголюбского и Спасского малых братств. В официальный документ епархиального управления хлынули термины, сконструированные в кабинетах, самопровозглашенных «сектоведов» во главе с Александром Дворкиным. Анализ обвинительной базы, представленной в решении совета, обнаруживает глубокую эрозию канонического сознания. Группу верующих, многие из которых десятилетиями восстанавливали храмы Твери из руин, обвинили в «откровенно сектантском характере» их деятельности. В вину им вменялась «духовная исключительность» и «элитарность» — категории субъективные и юридически ничтожные, но крайне эффективные для разжигания массовой истерии.

Исследование материалов того периода показывает, как епископ Виктор, человек традиционной советской закалки, внезапно заговорил языком радикального антикультизма. Тверская епархия превратилась в место для обкатки новой методологии подавления внутрицерковных инициатив: любое проявление общинной жизни, не санкционированное лично архиереем до мельчайших деталей, отныне квалифицировалось как «секта». Это была попытка криминализировать саму суть христианской жизни — единство верующих, выходящее за рамки простого присутствия на богослужении.

25 февраля 2007 года в день Торжества Православия, решение епархиального совета было применено в Вознесенском соборе Твери (некоторые источники упоминают Воскресенский собор, но более точные данные указывают на Вознесенский). Очевидцы, чьи свидетельства бережно собраны исследователями, описывают сцену, которая кажется немыслимой для XXI века. Около ста человек, пришедших на Литургию, были подвергнуты коллективному недопущению к Причастию. Среди тех, перед кем преградили путь к Евхаристии, были не только взрослые мужчины и женщины, но и малолетние дети, младенцы, которых родители принесли на руках. Это было беспрецедентное зрелище: священники, призванные объединять народ вокруг Христа, превратились в охранников магического ритуала, сортирующих людей по спискам, предоставленным епархиальной канцелярией.

В новейшей истории Церкви не было примера столь массового и немотивированного отлучения, совершенного не за ересь или смертные грехи, а по формальному признаку принадлежности к определенному содружеству. Дети, еще не способные осознать сложность религиозных разногласий, стали заложниками аппаратной борьбы. Их испуганные лица в дверях собора стали самым ярким обличительным документом против системы, решившей использовать Таинство как инструмент политической расправы.

Реакция на тверские события вышла далеко за пределы России. Одним из первых, кто возвысил голос против этого произвола, был Никита Алексеевич Струве. Его позиция, отраженная в письмах и публикациях того времени, была лишена дипломатических экивоков. Струве назвал происходящее в Твери «настоящим богохульством» и «каноническим безумием». В своем развернутом комментарии он подчеркивал, что отлучение детей и верных мирян без суда и

следствия свидетельствует о полной потере духовных ориентиров у руководства епархии. Для Струве тверской инцидент стал симптомом глубокой болезни — превращения Церкви в жесткую административную структуру, где «вертикаль власти» подменяет собой благодать. Он анализировал ситуацию не как частный конфликт, а как защиту канонической правды против тирании. Струве настаивал на том, что епископ, порывающий связь своих пасомых с Чашей из-за их стремления к общинной жизни, сам ставит себя в сомнительное положение относительно церковного единства.

Итог этого противостояния был двойственным. Хотя в мае 2007 года епископ Виктор был вынужден снять запрет, однако это не было актом покаяния или признания ошибки. Это было тактическое отступление. Несмотря на формальную отмену отлучения, атмосфера травли в Тверской епархии не только сохранилась, но и законсервировалась на долгие годы. В октябре того же года Дворкин и представители РАЦИРС провели выездное заседание в Твери, на котором присутствовали представители Тверской епархии, включая протоиерея Александра Шабанова и священника Льва Семенова, которые активно использовали антисектантскую терминологию. Это еще раз подтверждает связь между риторикой решения и деятельностью «сектоведов».

Реформаторское движение в Твери было загнано в глубокое подполье, а методы «сектоборческой» риторики окончательно закрепились в лексиконе официальных структур. Тверь 2007 года осталась в памяти как момент, когда маска пастырской заботы была окончательно сброшена, обнажив холодную логику инквизиционного процесса, где главным врагом оказывается не грех, а живое человеческое общение и духовная свобода.

Начало 2010-х годов. В Нижневартовске еще отчетливо просматривались признаки сибирского благополучия: нефтяные доходы обеспечивали внешнюю стабильность, город активно строился, а церковная жизнь, казалось, развивалась по восходящей. В воздухе пахло не только морозом и нефтью, но и чем-то из эпохи средневековых преследований, адаптированных под цифровые реалии XXI века.

Подготовка почвы началась в 2010-м. В это время в Нижневартовске стартовала масштабная информационная кампания, направленная против членов Преображенского братства. На приходских стендах и в вестниках,

которые раздавали верующим после литургий, стали появляться агрессивные материалы. Главным источником «вдохновения» послужил сайт «Благодатный огонь», известный своей крайне фундаменталистской и антиреформаторской позицией. Тексты, изобилующие обвинениями в «модернизме» и «разрушении традиций», перепечатывались без купюр, формируя у рядовых прихожан образ «захватчика», «неприятеля». Это была подготовка, призванная дегуманизировать тех, кто еще вчера стоял рядом на молитве, превратить их в «сектантское гетто», опасное для чистоты православия.

К осени 2011 года от риторики перешли к прямым репрессиям. Первым ударом стало увольнение двух членов братства из местной православной гимназии. Это был четкий сигнал: лояльность системе теперь ценится выше профессионализма и педагогического таланта. Людей лишали средств к существованию не за дисциплинарные проступки или низкую квалификацию, а за сам факт их принадлежности к общине. В церковной среде Нижневартовска воцарилась атмосфера недоверчивости; «профессиональный запрет» стал эффективным инструментом давления, принуждающим к отречению от своих убеждений и духовных связей.

В феврале 2012 года ситуация окончательно вышла за рамки здравого смысла и канонической логики. Группу прихожан, много лет участвовавших в жизни храма, внезапно лишили причастия. Всё происходило, как под копирку. Основания для этого решения выглядели абсурдно даже для стороннего наблюдателя: верующих обвинили в «связи с братством» и — что звучит совсем дико для христианской среды — в «совместном чтении Евангелия на дому». То, что на протяжении двух тысяч лет считалось добродетелью и основой веры, в Нижневартовске 2012 года было приравнено к тяжкому преступлению. Под временный запрет попали также и дети. Наказывать младенцев и подростков за духовные поиски их родителей — мера, выходящая за границы пастырской этики и переходящая в область карательной психиатрии или административного террора.

Параллельно с административным давлением развернулась настоящая кибер-травля. На официальном приходском сайте и в социальных сетях стали появляться анонимные комментарии, которые невозможно было списать на простую эмоциональность. Это были прямые призывы к физической расправе

над священником Георгием Кочетковым и его последователями. Радикалы не стеснялись в выражениях, предлагая «очистить город» от «еретиков» силовыми методами. Подобная агрессия стала прямым результатом двухлетней идеологической накачки: когда людям долго внушают, что рядом с ними живут «враги Церкви», рано или поздно у наиболее неуравновешенных возникает желание перейти от слов к делу.

Фундаменталистская радикализация, подогреваемая сверху, создала почву, на которой насилие стало казаться оправданным и даже «священным». Позиция церковной власти в этот период была однозначной и жесткой. Епископ Ханты-Мансийский и Сургутский Павел (Фокин) публично обвинял членов братства в ереси. Однако примечательно, что ни в одном публичном выступлении, ни в одном официальном документе не было представлено внятных богословских аргументов. Обвинения строились на лозунгах и административных формулировках. Вместо диалога и обсуждения спорных вопросов использовался «каток» власти. Епископ фактически подменил соборное обсуждение единоличным волюнтаризмом, игнорируя тот факт, что вопрос о «ереси» — это серьезнейшая богословская категория, требующая церковного суда и доказательств, а не просто эмоциональных заявлений на амвоне.

Это противостояние длилось девять долгих месяцев. Члены братства оказались в ситуации духовной изоляции в родном городе, подвергаясь давлению на работе, в храме и в интернете. Развязка наступила так же внезапно, как и начало гонений. После вмешательства Москвы, куда неоднократно поступали жалобы на канонический беспредел в епархии, запреты были сняты. Однако это произошло в типичном стиле: без объяснения причин, без извинений и без официального признания ошибок. Каноническая правда так и не была озвучена; систему больше интересовало восстановление тишины, чем справедливость. Людям просто «разрешили» снова быть христианами, оставив глубокие шрамы на душе общины.

Рассмотрим этот же временной промежуток, но другой церковной обитель. До 2010 года Сретенский храм в Заостровье вызывал у стороннего наблюдателя либо искреннее восхищение, либо стойкое раздражение. В тихом пригородном селе, среди северных снегов, возникло сообщество, которую в церковных верхах привыкли видеть разве что в книгах о первых веках христианства или в

мемуарах о русской эмиграции. Настоятель храма, отец Иоанн Привалов, за полтора десятилетия сумел выстроить здесь не просто «религиозное предприятие» по оказанию обрядовых услуг, а живую, пульсирующую общину Преображенского братства. Это был тот самый «оазис», где литургия на русском языке делала молитву понятной, а катехизация — многомесячная подготовка к крещению — превращала случайных прохожих в ответственных христиан. Однако именно эта «избыточная» жизненность и независимость общины стали триггером для антикультистов.

Перелом наступил в декабре 2010 года, когда на Архангельскую кафедру был назначен епископ (впоследствии митрополит) Даниил (Доровских). Его приезд ознаменовал резкую смену атмосферы: от относительного диалога времен его предшественника, епископа Тихона (Степанова), епархия перешла к курсу, который позже обозначат «фундаменталистским ренессансом». Для нового архиерея Заостровье было не достижением, а досадной аномалией, нарушающей единообразие церковного ландшафта. Даниил не скрывал своего видения: церковная жизнь должна быть предсказуемой, иерархичной и лишенной «интеллектуального брожения». В одном из своих выступлений он позже бросит фразу, ставшую ключом к пониманию всего конфликта: он вспоминал, что до прихода Привалова в Заостровье была «нормальная церковная жизнь». Под «нормальностью», судя по всему, подразумевался тихий деревенский приход с бабушками, свечным ящиком и отсутствием лишних вопросов к начальству.

К 2012 году скрытое недовольство переросло в открытую информационную войну. Анализ архивов того времени показывает поразительную синхронность публикаций. Против заостровского прихода была развернута настоящая канонада на ресурсах, составляющих ядро православно-патриотического сегмента интернета: «Русская Народная Линия», «Благодатный огонь», портал «Антимодернизм». Особую роль сыграл сайт «Pravoslavie.ru», патронируемый тогдашним архимандритом Тихоном (Шевкуновым). Заостровье превратилось в мишень, на которой на молнию мощь отрабатывались методы дискредитации общинной жизни. Термины «обновленчество», «неообновленчество» и «кочетковщина» стали обязательными ярлыками. Для придания кампании веса

была задействована «тяжелая артиллерия» церковного и околоцерковного истеблишмента.

На страницах изданий и в эфирах замелькали имена, обладавшие для консервативной аудитории непререкаемым авторитетом. Протоиерей Дмитрий Смирнов с его грубоватой харизмой, писательница Олеся Николаева, протоиерей Владимир Вигилянский — каждый из них внес свою лепту в создание атмосферы нетерпимости. В их риторике община Привалова представала как некое герметичное, опасное образование, подрывающее основы «традиционного православия».

Но самым главным инструментом стали обвинения в сектантстве, которые транслировались не кем иным, как Александром Дворкиным. Именно в этот период всплывает один из самых абсурдных, но эффективных документов того противостояния — письмо в адрес одной из архангельских библиотек, где сторонники отца Иоанна пытались проводить культурные вечера. В этом послании Дворкин выдвинул тезис об «альянсе кочетковцев и саентологов». Логика была проста и по-своему гениальна в своей деструктивности: поскольку и те, и другие якобы используют методы психологического воздействия и выступают против его, Дворкина, деятельности, значит, они действуют сообща. Это была классическая технология «вины по ассоциации». Факты — то, что саентология является жесткой коммерческой организацией, а Преображенское братство состоит из православных христиан, десятилетиями восстанавливающих храмы, — в расчет не принимались. Главной целью было создать вокруг Заостровья «санитарный кордон», убедить власти и общество, что в Сретенском храме зреет нечто социально опасное.

В январе 2013 года в Архангельск с «миссионерским визитом» прибыл протодиакон Андрей Кураев, в то время еще находившийся в фаворе и выступавший в роли ее главного интеллектуального спецназовца. Его лекция в Северном (Арктическом) федеральном университете стала финальным аккордом в подготовке общественного мнения к расправе над приходом. Кураев, обладающий талантом хлестких формулировок, не стал вдаваться в богословские тонкости литургики. Его вердикт был коротким и губительным: в Заостровье «пахнет тоталитарной сектой». Для епархиального управления это стало долгожданным «экспертным» заключением, легитимизирующим любые

репрессивные меры. Если это секта, то никакие разговоры о «правах прихожан», «духовной преемственности» или «церковном праве» больше не имели смысла.

Далее события развивались стремительно. Епархиальный совет, полностью подконтрольный митрополиту Даниилу, в том же январе 2013 года принял решение об отстранении отца Иоанна Привалова от настоятельства. Его обвинили в «непослушании» и «раскольнической деятельности». В текстах официальных постановлений сквозила холодная ярость антикультизма: живой приход, имевший наглость иметь свое лицо, подлежал немедленному переформатированию. Прихожан буквально выставили за двери храма, который они восстанавливали из руин. Самого отца Иоанна перевели в кафедральный собор под строгий надзор, фактически запретив ему полноценно общаться со своей паствой.

События в Нижневартовске и Заостровье 2010–2013 годов — это наглядная иллюстрация конфликта между живым, творческим реформаторством и косным, охранительным фундаментализмом. Почему живая община становится угрозой для антикультистов? Эти инциденты стали триумфом формы над содержанием, оставив после себя уничтоженное поле там, где еще вчера пробивались ростки настоящего духовного возрождения. В глазах антикультизма христианство, которое читает Евангелие и пытается воплотить его в жизни без санкции начальства, выглядит как опасная самостоятельность. Оказывается, как легко вера может быть подменена идеологией, а пастырская забота — угрозами физической расправы, когда страх перед живой верой становится сильнее самой веры.

Возникает устойчивое ощущение дежавю, когда вглядываешься в хронику событий 2012 года, развернувшихся в тихом башкирском курортном городке Красноусольске. Уж слишком знакомы эти паттерны: живая община, возникшая вокруг совместного чтения Писания и попыток осмысленного вхождения в веру, внезапно сталкивается с безжалостным аппаратом, который воспринимает любую несанкционированную горизонтальную связь как угрозу.

В Красноусольске конфликт приобрел черты почти средневековых гонений, где богословская полемика была подменена откровенной демонизацией оппонента. Точкой отсчета стали массовые отлучения прихожан храма Покрова Божьей Матери. Формальным поводом для репрессий

послужило обвинение в так называемом «непокаянии в кочетковской ереси». Под этим расплывчатым термином администрация епархии понимала связь верующих с Преображенским братством и его основателем священником Георгием Кочетковым. Но если в Москве или Екатеринбурге споры шли вокруг катехизации и перевода богослужения на русский язык, то в Красноуфимске местная «антисектантская» мысль породила зловещий миф о «бесовской чаше».

Общинные трапезы — агапы, которые на протяжении веков были символом христианского единства и любви, здесь были объявлены «питьем из чаши дьявола». Документы и письма того периода пестрят этой риторикой: людей, собиравшихся дома для совместной молитвы и чаепития, обвиняли в совершении неких тайных ритуалов, подменяющих Евхаристию. Это была попытка вывести оппонентов за пределы человеческого и христианского поля, превратив их в адептов темного культа в глазах рядовых прихожан. Информационная кампания была организована с безжалостной планомерностью. Главным рупором гонений стала газета «Уфимские епархиальные ведомости». На страницах газеты тиражировались материалы, в которых члены общины выставлялись врагами государства, агентами влияния и разрушителями «традиционных устоев». Эта информационная обработка создавала необходимый фон для административных решений, подготавливая почву для более жестких мер.

Катализатором нового витка репрессий стал визит в Башкортостанскую митрополию в апреле 2013 года Александра Дворкина. И снова всё, как по одному и тому же сценарию, ощущение дежавю не покидает, как будто приходится рассматривать оно и тоже событие. Этот момент показывает лишь то, что однажды, успешно проведя «кампанию по дискредитации неудобных», её повторяют снова и снова. Сколько сломанных судеб! Посмотреть только на списки «нежелательных и неудобных» на сайте Центра религиоведческих исследований во имя Ирины Епископа Лионского. Подобная каталогизация живых церковных сообществ и их последующая демонизация имеет пугающее сходство с методами, использовавшимися в нацистской Германии. Когда-то составление списков лиц, не вписывающихся в заданный идеологический стандарт, начиналось как «экспертная оценка», но быстро перерастало в механизм дегуманизации, где наличие имени в списке лишало человека

гражданских прав, а затем и права на существование. Аппетиты составителей таких реестров неизбежно растут, и вчерашняя «экспертиза» превращается в инструмент жесткой цензуры.

Приезд в митрополию Дворкина в качестве «эксперта по сектам» придал региональному конфликту статус идеологической борьбы общецерковного масштаба. Дворкин фактически легитимизовал действия местной власти. После его лекций и встреч с духовенством риторика епархиального управления стала еще более радикальной. Именно тогда в официальный оборот вошли формулировки, которые позже легли в основу знаменитого послания митрополита Никона (Васюкова). Анализируя текст этого послания, невозможно не заметить его глубоко дискриминационный характер.

Митрополит Никон использовал метафоры, более уместные в медицинском справочнике, чем в пастырском обращении: *«За последние годы многострадальная Церковь наша, и без того атакованная сектантами и богоборцами снаружи, подверглась новому испытанию. Нашлись люди, которые пытаются возбудить болезнь изнутри»*. Этот документ фактически ввел систему духовного апартеида, разделив прихожан на «здоровых» и «больных» по признаку их симпатий к традициям Преображенского братства. Священники, проявлявшие хотя бы намек сочувствия к гонимым или пытавшиеся разобраться в сути обвинений, немедленно попадали в опалу. Эта тактика была направлена на то, чтобы изолировать общину от любой поддержки со стороны клира, превратив их в изгоев, с которыми опасно даже здороваться.

В октябре 2014 года административный фундаментализм и во все переступил черту, за которой кончается любая религия и начинается чистая безжалостность. Запрет детям причащаться из-за взглядов их родителей стал моральным крахом для инициаторов гонений. И снова под давлением общественности и из опасения окончательно подорвать авторитет Церкви, запрет на причастие для детей был через некоторое время снят, но в отношении взрослых верующих «вечный» запрет остался в силе. Вот так страх перед свободой и живой верой порождает чудовищ, облеченных в рясы и вооруженных печатью епархиальной канцелярии. За фасадом борьбы за чистоту веры в Башкортостане скрывалась обычная борьба за власть над душами, где «чашей

дьявола» в итоге оказались не общинные агапы, а та ненависть, которую изливали на своих братьев те, кто призван был проповедовать любовь.

В арсенале современного «антикультизма» сектоведческая риторика давно перестала быть инструментом сугубо теоретического анализа, превратившись в эффективный способ устранения оппонентов. Деятельность Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС) представляет собой наиболее показательный пример этого процесса. Основным полем для отработки этих методов на протяжении десятилетий остается борьба с движением священника Георгия Кочеткова и Преображенским содружеством малых братств. Здесь мы наблюдаем тщательно разработанную работу по дегуманизации «объекта» через специфические медийные и психологические фильтры. Центральным элементом этой стратегии является тактика «вины по ассоциации» (guilt by association), где наиболее токсичным ярлыком выступает «саентология».

В публикациях РАЦИРС и аффилированных с ними ресурсов прослеживается настойчивая попытка приравнять структуру православных общин о. Георгия Кочеткова к моделям Рона Хаббарда. В российском общественном сознании саентология уже давно маркирована антикультистами как предельно опасная, «чуждая» и технологичная организация. Называя «кочетковцев» саентологами от православия, они выносят дискуссию за рамки веры в плоскость политической неблагонадежности. Это позволяет игнорировать суть эклезиологических взглядов Кочеткова, заменяя их обсуждением «многоуровневой системы посвящения» и «сетевого маркетинга», что автоматически переводит священника из статуса мыслителя в статус «гуру-манипулятора». Процесс дегуманизации достигает своего пика в тактике деперсонализации лидера.

В текстах Александра Дворкина и его сторонников мы находим не критику текстов или проповедей, а специфический физиогномический анализ, характерный для допросов или психиатрических экспертиз. Постоянное подчеркивание «неподвижного, лишённого мимики лица» и «монотонного, бесцветного голоса» о. Георгия Кочеткова служит одной цели: создать образ человека-автомата, лишённого благодати и естественной человеческой теплоты. Это классический прием антикультистской пропаганды — представить

оппонента как носителя «измененного сознания», чей голос якобы обладает гипнотическим воздействием. Подобные описания работают на подсознательном уровне, вызывая у читателя инстинктивное отторжение и страх, блокируя любую возможность рационального восприятия идей, которые этот голос транслирует.

Важнейшим инструментом визуальной дискредитации стал фильм «Разоблачение», посвященный драматическим событиям 1997 года в храме Успения в Печатниках. Эта лента, активно тиражируемая антикультистскими ресурсами, выстроена по канонам криминальной хроники, а не документального кино. Монтаж, тревожное музыкальное сопровождение и акцент на сценах конфликта в алтаре превращают локальный церковный конфликт в масштабную угрозу правопорядку. Фильм транслирует образ «сектантского безумия», где верующие изображаются как агрессивная масса, управляемая оккультными методами. При этом реальные причины конфликта и юридические нюансы госпитализации священника Михаила Дубовицкого остаются за кадром, уступая место эмоциональному шоку.

«Разоблачение» функционирует как визуальный маркер: любому, кто пытается защитить общину, предъявляют эти кадры как «неопровержимое доказательство» опасности. Медийным штабом этой кампании на протяжении многих лет выступает портал «Русская народная линия». Этот ресурс стал площадкой, где богословское несогласие окончательно переросло в административный донос. Именно здесь публикуются так называемые «записки на имя Патриарха» — тексты, написанные якобы от лица «смущенной общественности» или анонимных клириков.

Всё просто: необходимо создать иллюзию массового народного негодования, которое требует немедленного вмешательства церковной власти. Эти обращения редко содержат разбор догматических ошибок; их фокус направлен на «угрозу единству» и «разрушение традиций». Портал работает как резонатор, усиливая антикультистские тезисы РАЦИРС и превращая их в подобие «гласа народа», на который административный аппарат обязан отреагировать. Итогом применения этих технологий становится полная подмена дискурса. Вместо открытого собора или академического диспута мы видим работу отточенного механизма подавления. Психологическое

клеймление («гуру», «секта», «гипноз») лишает объект защиты, а административное давление через доноительство завершает изоляцию. В этой системе координат истина не ищется в споре, она навязывается через дискредитацию личности. Характер атаки на «кочетковцев» показывает, что методы РАЦИРС универсальны и позволяют превратить любого неудобного священнослужителя или мыслителя в «социальную угрозу», используя страх перед сектами.

ГЛАВА 4. ЖИЗНЬ ПОД ДАВЛЕНИЕМ

Когда в конце девяностых над общинами священника Георгия Кочеткова сгустились административные тучи, казалось, что судьба «московского реформатора» предрешена. В церковных коридорах постоянно звучали слова «ересь» и «секта», а специально созданные комиссии готовили почву для окончательного канонического приговора. Однако анализируя события того времени, обнаруживается поразительный факт: в защиту священника встала не просто «группа поддержки», а интеллектуальная и духовная элита мирового православия. Это была не политическая коалиция, а своего рода «невидимый собор», для которого свобода общины оказалась важнее ведомственной дисциплины. Главным связующим звеном между гонимым московским братством и полнотой русской традиции за рубежом был Никита Алексеевич Струве, который не единожды отстаивал права братства на свободу.

В распоряжении исследователей сегодня находятся подшивки «Вестника РХД», которые в те годы превратились в настоящую трибуну защиты. Струве, человек безупречного вкуса и духовной интуиции, почувствовал в деятельности Кочеткова живое продолжение дела святой Марии (Скобцовой) и отцов-основателей Свято-Сергиевского института в Париже. Струве начал поддерживать Юрия Кочеткова еще в 1979 году, опубликовав его статью «Вхождение в Церковь» (журнал «Вестник РХД», выпуск 128) под псевдонимом Николай Герасимов. В девяностые годы Струве перешел к открытой критике административного давления Московской патриархии. Он видел в «деле

Кочеткова» рецидив советских методов управления церковью, где любое живое движение подавлялось силой аппарата.

Струве не просто писал статьи; он использовал весь свой авторитет, чтобы донести до Патриарха Алексия II простую мысль: разгром Преображенского братства станет катастрофой для репутации РПЦ в глазах всего христианского мира. Это «западное крыло» поддержки было представлено именами, которые сегодня входят в учебники богословия. Оливье Клеман, крупнейший православный мыслитель Франции и попечитель Свято-Филаретовского института (СФИ), называл литургическую жизнь кочетковских общин «великим примером». Был известен своими усилиями по соединению православной традиции с современной культурой, подобно целям отца Георгия Кочеткова, с которым он поддерживал связи в рамках прогрессивных русских православных интеллектуальных кругов. Не менее значимым был голос митрополита Антония Сурожского. Хотя владыка Антоний всегда придерживался деликатной линии в отношениях с Москвой, его симпатия к опыту общинного созидания в столице была очевидной.

К ним примыкал и митрополит Феодосий, глава Православной Церкви в Америке, чье участие в жизни СФИ и братства подчеркивало: Кочетков — это не локальная проблема Москвы, это фигура мирового масштаба. Ключевым моментом в юридической и богословской реабилитации Георгия Кочеткова стала деятельность Синодальной Богословской комиссии под руководством митрополита Минского и Слуцкого Филарета (Вахромеева). Это была классическая битва академической честности против идеологического заказа.

Нельзя забывать и о том «поддерживающем щите», который выстроила вокруг Кочеткова российская интеллигенция. Здесь одной из главных фигур выступает Сергей Сергеевич Аверинцев. Его дружба с отцом Георгием не была просто формальностью. Аверинцев, величайший филолог современности, не только консультировал Кочеткова по вопросам переводов литургии на русский язык, но и приезжал на службу, а затем сам проповедовал в Сретенском монастыре в те годы, когда там служил о. Георгий. Сохранились воспоминания, как голос Аверинцева придавал деятельности общины интеллектуальную легитимность, которую невозможно было оспорить.

Однако самой мощной и, возможно, самой недооцененной силой были рядовые прихожане. Когда священника отстраняли от службы, когда общину пытались выселить из храмов, сотни людей — врачей, учителей, ученых — не разбежались. Они заполняли суды, писали письма, дежурили в храмах. Это не была толпа фанатиков; это была осознанная позиция людей, которые через катехизацию о. Георгия обрели не просто «религиозный культ», а достоинство личности. Именно эта массовая, тихая, но непоколебимая поддержка мирян стала тем фактором, о который разбились волны административных атак.

Попытка составить актуальную карту Преображенского содружества малых православных братств в середине двадцатых годов напоминает работу криптографа или археолога цифровой эпохи. На первый взгляд, открытые источники — официальный портал, сайт Свято-Филаретовского института и личная страница священника Георгия Кочеткова — представляют собой стройную, академичную и вполне прозрачную систему. Однако за этой выверенной витриной скрывается нечто гораздо более глубокое и масштабное: живой, пульсирующий организм, который за десятилетия своего существования научился выживать, трансформироваться и, вопреки всем внешним штормам, сохранять свою уникальную внутреннюю суть.

К 2026 году стало окончательно ясно, что «кочетковцы», как их часто называют в церковной среде, — это не просто группа единомышленников, а очень устойчивое мирянское движение в современной Русской православной церкви, обладающее собственной образовательной базой, издательскими мощностями и, что самое важное, специфическим социальным кодом. Вглядываясь в монитор и анализируя скупые отчеты о прошедших соборах и встречах, начинаешь понимать, что базовой единицей, своего рода «стволовой клеткой» этого организма, остается малое братство. Это небольшая группа, обычно насчитывающая от десяти до пятнадцати человек, которая функционирует как микро-община.

В период с 2020 по 2026 год именно эта структура доказала свою феноменальную жизнеспособность. В условиях пандемии, а затем и последовавших за ней социально-политических потрясений, малые братства не распались, а, напротив, укрепились. Внутри такой социальной ячейки люди связаны не только общим участием в богослужениях, но и тесными узами

взаимопомощи, совместным чтением Писания и тем, что они называют «братским общением». Эти группы объединены в более крупные общины, которые, в свою очередь, составляют Содружество. Такая фрактальная структура позволяет организации быть одновременно гибкой и монолитной: даже если одна часть оказывается под давлением, остальные продолжают функционировать, сохраняя общую идентичность и цели.

География Братства сегодня впечатляет своей широтой, хотя основные центры силы остаются неизменными. Москва, безусловно, является интеллектуальным и административным сердцем движения, но Санкт-Петербург и Тверь играют не менее значимую роль. В Твери сложилось одно из самых крепких региональных сообществ, тесно связанное с местной церковной историей и памятью о новомучениках. Петербургская ветвь традиционно отличается более выраженным интеллектуализмом и связью с академической средой, что находит отражение в публикациях и дискуссиях на страницах епархиальных изданий, таких как «Вода живая», где материалы Братства органично вплетаются в общий контекст жизни северной столицы.

Не стоит забывать и о зарубежных группах — в Европе и Америке продолжают действовать малые братства, состоящие как из эмигрантов разных волн, так и из людей, нашедших в опыте отца Георгия ответы на универсальные духовные вопросы. Весь этот распределенный по миру организм функционирует на удивление слаженно, используя современные средства связи для координации общих усилий, будь то благотворительные акции, научные конференции или ежегодные общие встречи. Центральным институтом и, пожалуй, главным достижением Братства является Свято-Филаретовский институт (СФИ). Если в девяностые годы это была скорее «подпольная академия», то к 2026 году СФИ превратился в полноценный, признанный государством и церковью научно-образовательный центр. Ключевой вехой в его новейшей истории стало получение государственной аккредитации в 2024 году. Это событие радикально изменило статус вуза: теперь его дипломы имеют официальный вес, что открывает выпускникам двери в светские и государственные структуры.

Особого внимания заслуживают магистерские программы, запущенные и аккредитованные в последние годы. Магистратура по истории Русской

православной церкви в XX веке стала уникальной площадкой для исследования наследия новомучеников и исповедников, а программы по теологии привлекают студентов глубиной проработки материала и отсутствием формализма. В 2024 году в руководстве института произошли важные перемены: после кончины многолетнего ректора Алексея Мазурова пост занял Александр Михайлович Копировский — человек, стоявший у истоков Братства, выдающийся искусствовед и богослов. Его назначение стало знаком преемственности и верности тем принципам «свободного исследования и живой веры», которые закладывались еще отцом Георгием. Научная и издательская деятельность Братства сегодня — это огромный массив текстов, формирующий альтернативную интеллектуальную повестку внутри Церкви.

Издательство СФИ продолжает выпускать труды, которые вызывают неизменный интерес и жаркие дискуссии. Одной из ключевых работ последнего времени стала книга «Человек по горизонтали и вертикали», представляющая собой срез современной христианской антропологии в прочтении Братства. Многотомные издания проповедей отца Георгия Кочеткова, его катехизические курсы и богословские заметки составляют фундамент, на котором строится мировоззрение участников движения. Журнал «Вестник СФИ», включенный в международные научные базы, такие как Scopus, подтверждает высокий академический уровень проводимых исследований.

Информационная среда Братства дополняется активностью в социальных сетях и на портале «Живое предание», где оперативно освещаются все значимые события — от религиозных семинаров до паломнических поездок по местам памяти репрессированных священнослужителей. Фигура самого основателя, священника Георгия Кочеткова, остается духовным полюсом всей этой сложной системы. Несмотря на почтенный возраст и десятилетия критики со стороны консервативных кругов, отец Георгий сохраняет поразительную работоспособность и верность своему служению. Его статус в официальной церковной иерархии остается парадоксальным: формально не занимая высоких административных постов, он обладает колоссальным неформальным авторитетом. Уже более пятнадцати лет его воскресным местом служения является Успенский храм Новодевичьего монастыря в Москве. Это присутствие в одном из самых значимых и статусных храмов столицы само по себе является

мощным сигналом. По субботам и в будни его можно увидеть в домовых часовне СФИ, где совершаются богослужения с использованием русского языка в литургических текстах — та самая практика, которая когда-то стала камнем преткновения, а сегодня воспринимается многими как естественное развитие церковной жизни.

Говоря о численности и влиянии Братства, исследователь неизбежно сталкивается с проблемой отсутствия официальной статистики. Братство никогда не стремилось к массовости в ущерб качеству, придерживаясь принципа сознательного вхождения в общину через длительный период оглашения. Тем не менее, по косвенным признакам — тиражам книг, количеству студентов и выпускников СФИ, активности на форумах и конференциях — можно с уверенностью утверждать, что речь идет о нескольких тысячах активных участников и десятках тысяч доброжелателей. Это не просто цифры; это сообщество людей с высшим образованием, активной гражданской позицией и глубоким пониманием церковной традиции.

Влияние Братства выходит далеко за пределы его внутренней структуры: идеи катехизации, общинной жизни и перевода богослужения на понятный современному человеку язык постепенно проникают в общую церковную практику, зачастую без упоминания имени их главного инициатора. Перспективы Преображенского братства к середине двадцатых годов выглядят устойчивыми, хотя и не лишены вызовов. Основной риск связан с вопросом преемственности — сможет ли структура сохранить свой драйв и единство в случае естественной смены поколений лидеров. Однако создание мощных институций вроде Свято-Филаретовского института и разветвленной сети малых братств говорит о том, что движение переросло масштаб «авторского проекта» одного человека и стало полноценным социальным и духовным институтом.

Сегодня Братство — это не только молитва и богословие, это еще и огромный пласт социальной работы, волонтерства и исторического просвещения. Оно представляет собой модель, которая предлагает современному человеку не только утешение, но и смысл, дисциплину и сообщество равных. Нельзя не отметить ту удивительную тишину, в которой оно существует сегодня. После бурных дискуссий и конфликтов девяностых и нулевых годов наступил период сосредоточенного созидания. Братство словно

ушло вглубь, предпочитая реальные дела громким заявлениям. Его структуры встроены в ткань церковной и общественной жизни так глубоко, что стали почти невидимыми для поверхностного взгляда, но при этом остаются абсолютно незаменимыми для тех, кто ищет в православии не только внешнюю обрядность, но и живую, действенную общность.

Итоги тридцатилетнего пути впечатляют: создана жизнеспособная альтернатива формальному православию, а перспективы развития Братства теперь напрямую связаны с его способностью оставаться «солью земли» в меняющемся мире, сохраняя верность евангельскому духу, который когда-то вдохновил молодого московского священника на создание первого малого братства. Что же осталось в сухом остатке? Осталась структура, которая не боится времени. Осталась школа, способная готовить мыслящих христиан. Остался духовный центр в сердце Москвы, объединяющей людей разных поколений и судеб.

Преображенское братство сегодня — это пример того, как вера, соединенная с интеллектом и организаторским талантом, может создавать миры, которые не подвластны коррозии времени и политической конъюнктуры. И пока в малых братствах по всей стране люди продолжают собираться вокруг Евангелия, эта история будет продолжаться, открывая новые главы в книге жизни современной Русской церкви.

Не покидает ощущение, что именно тогда, в начале девяностых, в пыльных коридорах и на шумных приходских собраниях, ковался тот меч, которым сегодня отсекают любое проявление внутренней свободы в церковной ограде. Первый момент, на который обращаешь внимание — это методы Александра Дворкина, которые тогда казались многим лишь эксцентричной борьбой с малознакомыми культами, на поверку оказались универсальным оружием против любого инакомыслия, даже внутри самой Церкви. Вглядываясь в эволюцию термина «секта», можно заметить, как он стремительно терял свое академическое значение. Если раньше это было понятие из области социологии религии, то в деле Кочеткова оно впервые было опробовано как дубинка для политической и внутрицерковной расправы.

Профессор Игорь Кантеров, пытаясь нащупать переломный момент, зафиксировал его с пугающей точностью. Он писал, что вакханалия терминов

тоталитарная секта и деструктивный культ позволяет классифицировать как секту практически любое религиозное формирование. Если есть желание, эти понятия всегда готовы принять любого, кого нужно заклеить, не утруждая себя обдумыванием последствий. Эта цитата Кантерова сегодня звучит как приговор всей системе антисектантского дискурса, который к 2025 году окончательно слился с государственным аппаратом подавления. Второй момент — это история превращения живой общины в элитный клуб власти, и здесь мы подходим к самому болезненному символу этого противостояния — Сретенскому монастырю.

Сопоставляя свидетельства 1993 года, восстанавливая картину того, как общину Кочеткова буквально выламывали из стен Владимирского собора. Это не было деликатным перемещением; это была силовая операция с привлечением казачьих сотен, которые в тот момент выступили в роли внеправового инструмента церковного контроля. Передача монастыря иеромонаху Тихону Шевкунову стала точкой сборки нового типа церковности — фундаментализма, глубоко интегрированного в государственную иерархию. В процессе написания этого раздела, сверяясь с последними данными о статусе митрополита Тихона в 2024–2026 годах, мы видим, что его влияние к середине двадцатых годов достигло своего прямо-таки «расцвета». Даже находясь в Крыму, куда он был переведен в конце 2023 года, Шевкунов остается концептологом смыслов. Его защита диссертации в МГУ в конце 2024 года и получение ордена за заслуги перед Отечеством II степени — это не просто знаки личного успеха, это подтверждение статуса государственного идеолога.

Сретенский монастырь, некогда бывший местом открытых катехизаций Кочеткова, превратился в интеллектуальный штаб нового фундаментализма, где издательство, хор и семинария работают на одну цель — легитимацию концепции Москвы как осажденной крепости. Особый интерес вызывает то, как государство научилось использовать в своих интересах радикальных фундаменталистов и то самое казачество, которое впервые «попробовало кровь» в конфликте девяностых. Исследуя отчеты за 2025 год, становится очевидным, что эта модель стала доминирующей. Казачьи дружины теперь не просто охраняют храмы, они интегрированы в систему МВД и ФСБ, выступая хранителями порядка там, где официальные структуры предпочитают

действовать чужими руками. Это симбиоз, в котором митрополит Тихон играет роль не только духовника элит, но и модератора между радикально настроенной паствой и властными кабинетами. Покушение на него, якобы предотвращенное ФСБ в начале 2025 года в Москве, только зацементировало его образ как мученика за систему, позволив еще жестче закручивать гайки внутри церковных институтов.

Третий момент — это глобальный цивилизационный выбор, который Русская православная церковь сделала тогда и продолжает подтверждать сегодня. Перед нами два пути. Один — просвещенное православие Кочеткова, основанное на общинности, живом языке молитвы и ответственности каждого мирянина. Это была попытка создать церковь, способную к диалогу с современным миром, не теряя своей идентичности. Другой путь — это система тотального контроля и страха, выбранная фундаменталистами. Проверяя ссылки на последние социологические опросы и церковную аналитику 2026 года, становится понятно, к чему привел этот выбор. Мы наблюдаем окончательную изоляцию церкви от тех слоев общества, которые не готовы принимать идеологию фундаментализма. Церковь все больше напоминает закрытое акционерное общество, где доступ к ресурсам и право голоса имеют только лояльные системе игроки.

Анализируя наследие этого затяжного конфликта, как следствие произрастает вопрос: а была ли альтернатива? Ведь методы, которыми подавляли Кочеткова, сегодня применяются к любому либеральному священнику, посмевавшему усомниться в правильности выбранного курса. Термин секта в 2024 году окончательно переключился в политический лексикон, когда структуры оппозиции стали называть секто-навальнистами, используя те же лекала контроля сознания, которые когда-то РПЦ примеряла на общину в Сретенском. Это и есть главная победа антикультистов — они создали универсальный язык ненависти, который одинаково успешно работает и в храме, и в следственном комитете.

Глядя на фигуру митрополита Тихона Шевкунова в 2026 году, на его деятельность в Крыму по созданию огромных музейно-храмовых комплексов, напрашивается сравнение, что это и есть воплощенная утопия того лагеря, который победил в 1993 году. Это церковь фасадов, триумфализма и

бесконечного исторического просвещения, где реальный человек с его духовными поисками заменен массовым зрителем патриотических выставок. В условиях фундаменталистского поворота любая попытка оживить традицию изнутри воспринимается как угроза, и чем больше эта сформировавшаяся организационная структура опирается на казачьи нагайки и антисектантскую риторику, тем глубже становится пропасть между ней и тем Евангелием, о котором пытался говорить отец Георгий.

Сегодня, когда мы видим, как те же самые приемы используются для зачистки политического поля страны, становится ясно: наследие Кочетковского дела гораздо масштабнее, чем просто спор о переводе богослужебных текстов на русский язык. Это был спор о том, может ли в России существовать пространство свободы, не санкционированное свыше. И ответ, данный тогда, в девяностые, продолжает определять облик страны и церкви в 2026 году, ведя их по пути изоляции, где каждый, кто мыслит иначе, автоматически попадает в списки тех, кого нужно заклеить, не утруждая себя обдумыванием последствий. И в этом исторжении сегодня оказывается все больше тех, кто мог бы стать будущим православия, но стал лишь строчкой в отчетах о борьбе с деструктивным влиянием. Путь, выбранный тридцать лет назад, привел к тому, что страх стал главной скрепой, а слово секта — единственным ответом на любой сложный вопрос. И это, пожалуй, самый горький урок из всех возможных.

Кризис современного российского православия представляет собой не просто административные затруднения или смену поколений, но фундаментальный тектонический разлом между двумя видениями будущего и двумя путями развития страны. Анализ архивных материалов, цифровых следов современной истории и протоколов церковных судов позволяет сделать вывод, что институция подошла к определённой временной точке. Перед Церковью стоит экзистенциальный выбор: стать живым источником просвещения или окончательно застыть в формах агрессивного мракобесия, отгораживаясь от мира стеной страха и подозрительности.

Один из путей развития связан с кропотливой работой по созиданию «горизонтальных связей», олицетворяемых деятельностью священника Георгия Кочеткова и Преображенского братства (в данном случае используется, как пример, но естественно есть и другие). Исследование церковной периодики

выявляет закономерность: появление субъектности у прихожан и их превращение из пассивных потребителей «религиозных услуг» в ответственных участников жизни Церкви неизменно вызывает сопротивление. Модель Кочеткова рассматривается как попытка возвращения к первоначальному значению Церкви как собрания равных. За дискуссиями о церковнославянском или русском языке скрывается вопрос о праве человека на осознанную веру. Понимание текстов литургии превращает человека из части управляемой массы в личность, способную к прямому диалогу с Богом без посредников. Просветительский акцент, включающий длительную катехизацию и изучение Писания, направлен на формирование «просвещенного сердца» и реализацию пути свободы, не ищущей убежища в изоляционизме.

Противоположная логика может быть определена как «вертикаль страха». В рамках этого подхода православие транслируется как имперский фундамент и идеологическая броня, защищающая государство от внешних и внутренних угроз. Ярким представителем этой линии является митрополит Тихон (Шевкунов), в деятельности которого православие становится вопросом не столько личного спасения, сколько национальной безопасности. Другим аспектом этой сети выступает антисектантское движение во главе с Александром Дворкиным, где теологическая полемика зачастую подменяется методами полицейского надзора. Здесь вера питается образом врага, а главной добродетелью провозглашается лояльность, а не любовь. Конфликт этих путей в современных условиях приобрел особую остроту.

Документальные свидетельства показывают, как «вертикаль страха» последовательно атакует «горизонталь любви». Обвинения в сектантстве и ереси в адрес общины Кочеткова являются типичной реакцией на появление внутри нее очага свободы. История гонений на катехизацию в девяностые и двухтысячные годы демонстрирует яростное сопротивление идее глубокого просвещения прихожан. Просвещенный христианин оказывается неудобен, так как он осознает свою ответственность и не склонен к слепому подчинению административным решениям. Путь превращения Церкви в крепость с высокой степенью изоляционизма ведет к постепенному вымыванию интеллектуального и духовного капитала, делая институцию неинтересной для искателей истины.

Прозвучавшие слова Георгия Кочеткова в одном из интервью (под названием Георгий Кочетков: «Все молчали. Мы молчать не должны») о том, что «просвещённая Церковь — это сильная Церковь», а текущая слабость вызвана отсутствием просвещения, содержат глубокую оценку современного состояния. Традиционное измерение мощи Церкви количеством куполов и объемом государственных субсидий противопоставляется иному пониманию могущества — мощи духа, рождающейся из ясности сознания. Слабость современной Церкви трактуется не как отсутствие политического влияния, а как чрезмерная зависимость от него, вызванная внутренней пустотой. Непросвещенность здесь понимается как неспособность отличать веру от идеологии. Отказ от просвещения в пользу мракобесия делает Церковь лишь инструментом в руках политических технологов.

Аналитический вывод из событий последних десятилетий указывает на то, что борьба против открытых дискуссий и перевода богослужения была борьбой за сохранение условий, в которых удобно манипулировать сознанием. Однако ценой этой победы может стать потеря связи с реальностью. Просвещение рассматривается как процесс возвращения вере человеческого лица. Без него институция рискует превратиться в музей забытых смыслов. Поднимаясь над схваткой «за» или «против», мы видим метафизическую роль фигуры Кочеткова: он стал зеркалом, в котором Русская церковь увидела свои собственные страхи. Страх перед свободным человеком, страх перед понятным словом, страх перед ответственностью мирян.

На сегодняшний день российское православие остается полем битвы, где определяется не только будущее конфессии, но и вектор развития цивилизации. Вопрос о том, сможет ли сообщество верующих выбрать путь просвещения и осознанной ответственности или окончательно подчинится «вертикали страха», остается открытым. В условиях стужающихся сумерек самоизоляции выбор между источником света и оплотом мракобесия перестает быть богословским спором и становится вопросом выживания людей, способных к свободе и любви. Итог этого выбора определит облик будущего на многие поколения вперед.

В заключение книги хотелось бы привести небольшой отрывок из интервью «Давать авансы любви. Интервью с отцом Георгием Кочетковым»:

[...] **Г. Кочетков:** Именно познание, это не рациональное знание, а познание как вовлеченность внутрь, как проникновение, которое превосходит всякие контакты. Если Бог есть Любовь, то невозможно не познавать Бога, иначе Он не есть Любовь. Это проистекает из того, что нам открыто Евангелием, открыто Христом. Нам открыт путь к Богу, который есть Любовь. Дать Ему рациональное определение невозможно, это понятно. Когда мы говорим: «Бог есть Любовь», мы понимаем, что любовь можно понять по-разному, но мы не даем ей жестких определений, потому что понимаем и то, что мы не сможем их дать. Тут опять же на уровне интуиции и духовного опыта мы апеллируем ко внутреннему опыту, к сердцу человека. И это работает. Современный человек очень и очень внимателен к таким вещам.

Интервьюер: Неожиданный вывод.

Г. Кочетков: Да, это так. Просто очень редко с ним говорят на таком языке. Очень редко ему доверяют этот свой опыт в расчете найти нечто родственное. Я считаю, что сейчас вообще нельзя говорить всерьез о христианстве по-другому. О нем надо говорить на уровне *такого* доверия, *такой* открытости, такого общения в опыте, который только обозначается отдельными словами. Но все-таки за этими знаками стоит реальность, которую мы улавливаем интуитивно.

Интервьюер: Но где здесь гарантия, что твои слова будут поняты адекватно?

Г. Кочетков: Гарантий нет, и быть не может! [...]

ИСТОЧНИКИ

1. Wikipedia. Кочетков, Георгий Серафимович.
[https://ru.wikipedia.org/wiki/Кочетков, Георгий Серафимович](https://ru.wikipedia.org/wiki/Кочетков,_Георгий_Серафимович)
2. Wikipedia. Храм Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках.
[https://ru.wikipedia.org/wiki/Храм Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках](https://ru.wikipedia.org/wiki/Храм_Успения_Пресвятой_Богородицы_в_Печатниках)
3. Аверинцев, С. С., и др. (1997, 1 ноября). Интервью на радио Би-Би-Си (1 ноября 1997 г.). In Я. Кротов (Сост.), Материалы о деле священника Георгия Кочеткова. Библиотека Якова Кротова.
<http://krotov.info/acts/20/1990/1998kochetkov.htm>
4. Адам-ант. (2015, 14 марта). Воспоминания о священнике Георгии Кочеткове [Блог-пост]. LiveJournal. <https://adam-a-nt.livejournal.com/1147293.html>
5. Адам-ант. (2017, 19 ноября). Материалы о Преображенском братстве [Блог-пост]. LiveJournal. <https://adam-a-nt.livejournal.com/3645190.html>
6. Алексей II, Патриарх Московский и всея Руси. (1997, 9 октября). Указ о запрещении в священнослужении священника Георгия Кочеткова.
<https://blagogon.ru/biblio/279/>
7. Благодатный Огонь. (2017, 27 июня). К 20-летию беспрецедентного события в московском храме Успения Богородицы в Печатниках, в котором проходил свое служение священник Георгий Кочетков.
<https://blagogon.ru/news/196/>
8. Благодатный Огонь. (2020, 3 февраля). О деятельности кочетковского братства в Твери сегодня и 13 лет назад. Послесловие редакции сайта «Благодатный Огонь». Православный журнал «Благодатный Огонь».
<https://blagogon.ru/digest/953/>
9. Буздалов, А. (2015, 14 сентября). Деятельность священника Георгия Кочеткова и реформы в Русской Православной Церкви. Благодатный Огонь. <https://blagogon.ru/digest/640/>

10. Вестник Русского христианского движения. <https://vestnikrhd.com/>
11. Верховский, А. (2003). Политическое православие: Русские православные националисты и фундаменталисты, 1995–2001 гг. Центр «СОВА». <https://www.sova-center.ru/files/books/orto3-text.pdf>
12. Газета "Кифа". (2013, 14 января). «Вас надо высечь, чтобы вы заплакали...». КИФА №10-11(25-26).
<https://a.gazetakifa.ru/content/view/4656/>
13. Газета «Кифа». (2017, 7 апреля). 7 апреля 1983 года патриарший стипендиат Ленинградской духовной академии, старший иподьякон ректора – архиепископа Выборгского Кирилла – Георгий Кочетков был рукоположен в дьяконы. <https://a.gazetakifa.ru/content/view/5608/11/>
14. Газета «Кифа». (2024, 19 августа). Как я писал «герасимовскую» статью. Кифа № 7–8 (311–312) <https://gazetakifa.ru/kak-ja-pisal-gerasimovskuju-statju/>
15. Герасимов, Н. (1979). Вхождение в Церковь и исповедание Церкви в церкви. Вестник Русского христианского движения, (128), 41–85.
[https://www.rp-net.ru/pdf/vestnik/Vestnik-1979-01-02\(128\)-1.pdf](https://www.rp-net.ru/pdf/vestnik/Vestnik-1979-01-02(128)-1.pdf)
16. Два града. Кочетков Георгий Серафимович. Энциклопедия «Два града». https://dvagrada.ru/wiki/Кочетков_Георгий_Серафимович
17. Диваков, В. (прот.). (2020, 2 ноября). Битва за Сретенский. Москва за нами. Воспоминания протопресвитера Владимира Дивакова. Православие.Ru. <https://pravoslavie.ru/135008.html>
18. Духанин, В. (2012, 29 ноября). Опасные тенденции в учении и пастырской практике общин священника Георгия Кочеткова. Православие.Ru. <https://pravoslavie.ru/57788.html>
19. Иеромонах Иов (Гумеров). (2013, 7 февраля). «Нет ничего среднего между истиной и ложью» (свт. Игнатий Брянчанинов). О вероучении священника Георгия Кочеткова. Православие.Ru.
<https://pravoslavie.ru/59300.html>
20. Каверин, Н. (2020, 24 марта). Об антиправославной деятельности священника Георгия Кочеткова по продвижению церковной

реформации на рубеже XX–XXI веков. Русская народная линия.

https://ruskline.ru/opp/2020/03/24/ob_antipravoroslavnoi_deyatelnosti_svyawennika_georgiya_kochetkova_po_prodvizheniyu_cerkovnoi_reformacii_na_rubezhe_xx_i_xx_vekov

21. Каверин, Н. Кочетковщина: десять лет спустя, или Можно ли верить обновленцам? Благодатный Огонь. <https://blagogon.ru/articles/146/>

22. Книжная лавка паломника у Лавры. (2000). Суд им давно готов. О вероучении и пастырской практике священника Георгия Кочеткова. Лавка Паломника. <https://lavka-palomnika.church/sud-im-davno-gotov-2-petr-23-o-verouchenii-i-pastyrskoy-praktike-svyashchennika-georgiya-kochetkova/>

23. Компромат.ру. (2000, 5 сентября). Пастырь с Лубянки. https://web.archive.org/web/20240413124457/https://www.compromat.ru/page_10101.htm

24. Кочетков, Г. (свящ.) Православное богослужение в 6 книж. Книги СФИ.

25. Кочетков, Г. (свящ.). «Он достоин чести почитаться святым». Из проповедей священника Георгия Кочеткова, посвященных отцу Александру Менью. ПСТГУ. ПСТБ.ру. <https://psmb.ru/a/on-dostoin-chesti-pochitatsya-svyatym.html>

26. Кочетков, Г., священник. Цикл предогласительных «открытых» встреч (1994 год). Миссионерские материалы. Кафехео.ру. <https://kateheo.ru/mission/posobiia/cikl-missionersko-predoglasitelnykh-otkrytykh-vstrech>

27. Кротов, Я. Материалы о деле священника Георгия Кочеткова (1997–1998 гг.). Библиотека Якова Кротова. <http://krotov.info/acts/20/1990/1998kochetkov.htm>

28. Максим Шевченко, М. (2000, 26 января). Донос начала столетия. Независимая газета. Религии. https://www.ng.ru/pravoslav/2000-01-26/2_32.html

29. Московская Патриархия. (1997). [Материалы журнала]. Журнал Московской Патриархии, (6). <http://www.jmp.ru/a1943/pdf1997/1997-06.pdf>
30. Независимая газета. (2001, 28 марта). Резюме заключения комиссии по богословским изысканиям священника Георгия Кочеткова. Независимая газета. Религии. https://www.ng.ru/pravoslav/2001-03-28/4_kochetkov.html
31. Независимая газета. (2014, 15 января). Благодать по спецразделению. Независимая газета. https://www.ng.ru/problems/2014-01-15/6_blagodat.html
32. Православие.Ru. Сретенский монастырь. Двадцать лет новейшей истории. <https://pravoslavie.ru/73442.html>
33. Православие.Ru (2014, 10 апреля). Богословские изыскания священника Георгия Кочеткова. <https://pravoslavie.ru/59597.html>
34. Православная община. К событиям вокруг храма Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках. <http://pravoslavnaya-obshina.ru/1997/no40/article/k-sobytijam-vokrug-khrama-uspenija-presvjatoi-bogorodicy/>
35. Православная община. (1991). Впечатления о соборе на Преображение в г. Электроугли Московской области. <https://pravoslavnaya-obshina.ru/1991/no2/article/vpechatlenija-o-sobore-na-preobrazhenie-v-gehlektrougli-m/>
36. Преображенское братство. (2017, 29 сентября). Отец Георгий Кочетков: «Мы были первым поколением, от которого родители скрывали правду о самих себе». <https://psmb.ru/a/otets-georgii-kochetkov-my-byli-pervym-pokoleniem-ot-kotorogo-roditeli-skryvali-pravdu-o-samikh-sebe.html>
37. Портал «Без границ». (2009, ноябрь). Давать авансы любви. Интервью с отцом Георгием Кочетковым. <https://www.bez-granic.ru/main/vnutrennij-mir/davat-avansy-lyubvi.html>

38. Поспеловский, Д. (1998, 2 марта). Материалы о деле свящ. Георгия Кочеткова. Библиотека Якова Кротова.
<http://krotov.info/acts/20/1990/1998kochetkov.htm>
39. Поспеловский, Д. В. Некоторые проблемы современной Русской Церкви. Одинблаго.ру. https://odinblago.ru/probl_sovr_cerkv/
40. Предание. Христианский вестник №3. 1996-1998 гг. Материалы к истории РПЦ конца XX века. <http://predanie.org/hristianskij-vestnik-3-1996-1998-gg>
41. Преображенское братство. Священник Георгий Кочетков.
<https://psmb.ru/tags/people/kochetkov-georgii-svjashchennik.html>
42. Преображенское братство. (2010, 27 апреля). Синодальная Богословская комиссия никогда не объявляла взгляды священника Георгия Кочеткова еретическими или неправославными.
<https://psmb.ru/a/sinodalnaya-bogoslovskaya-komissiya-nikogda-ne-obyavlyala-vzglyady-svyashchennika-georgiya-kochetkova-ereticheskimi-ili-nepravoslavnymi.html>
43. Преображенское братства. (2010, 9 марта). «Нас почитают обманщиками, но мы верны...» Документы и материалы по событиям 29 июня 1997 года. <https://psmb.ru/a/nas-pochitayut-obmanshchikami-no-my-verny-nas-pochitayut-umershimino-vot-my-zhivy.html>
44. Свято-Филаретовский институт. Как академик Сергей Аверинцев стал церковным проповедником. <https://sfi.ru/sfi-today/interview/otets-georgii-kochetkov-o-sergee-averintseve.html>
45. Свято-Филаретовский православно-христианский институт. О Свято-Филаретовском православно-христианском институте.
<https://sfi.ru/about.html>
46. Священник Греоргий Кочетков. Гонения. Личный сайт священника Георгия Кочеткова. <https://www.ogkochetkov.ru/gonenija/>
47. Священник Георгий Кочетков. Биография священника Георгия Кочеткова. <https://www.ogkochetkov.ru/biografija/>

48. Семенов, Л. (2007, 16 октября). ПРЕСС-РЕЛИЗ РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ЦЕНТРОВ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИЙ И СЕКТ (РАЦИРС) О ВЫЕЗДНОМ ЗАСЕДАНИИ В ТВЕРИ. Ириней.Ру.
<https://iriney.ru/main/dokumentyi/press-reliz-rossijskoj.html>
49. Сретенский листок. (1999, сентябрь). Священническое служение – жертва собой ради собирания Церкви. Священник Георгий Кочетков.
<https://www.ogkochetkov.ru/publikacii/detail/svjashchennicheskoe-služhenie-zhertva-soboi-radi-sobiranija-cerkvi/>
50. Студия Неофит. (2020, 16 июля). Георгий Кочетков о Сергее Аверинцеве [Видео]. YouTube.
<https://www.youtube.com/watch?v=WGCcYecglXw>
51. Тихомиров, В. (2016, 17 августа). Отец Георгий Кочетков: «Всё произошло чудесным образом и по воле Господа». S-T-O-L.com.
<https://s-t-o-l.com/tserkov/13531-otets-georgiy-kochetkov-vsye-proizoshlo-chudesnym-obrazom-i-po-vole-gospoda/>
52. Уфимская епархия. Башкортостанскую митрополию с рабочим визитом посетит известный сектовед А.Л. Дворкин. Официальный сайт Уфимской епархии. <https://www.eparhia-ufa.ru/news/bashkortostanskuyu-mitropoliyu-s-rabochim-vizitom-posetit-izvestnyy-sektoved-al-dvorkin-1435>
53. Шабалина, Н. (2024, 16 февраля). «В тот заснеженный вечер под Сретение 1994 года...» Воспоминания о первой службе в Сретенском монастыре. Сайт Шахтинской епархии. <https://shahteparh.ru/blog/v-tot-zasnezhennyy-vecher-pod-sretenie-1994-goda-/>